
Евгения Калафат
Лира и Школа Небесной канцелярии

Евгения Калафат

Лира и Школа Небесной канцелярии

«Автор»
2026

Калафат Е.

Лира и Школа Небесной канцелярии / Е. Калафат — «Автор», 2026

«Лира приходит в Школу Небесной Канцелярии — место между мирами, где тени хранят память, а каждое слово становится документом. На первом занятии она учится видеть скрытое, а с регистратором Каэлом обнаруживает в «сонных хрониках» неожиданный договор «Искатель и Хранитель», заключённый когда-то взглядом без лжи. Их желание быть вместе пробило границу между снами и реальностью: в библиотеке выпадает снег, которого «не по расписанию», и Хранители Перехода требуют найти источник утечки. Герои попадают в общий сон о вечеринке, где тени впервые их разделяют, а после пробуждения решают распутать договор — научиться управлять своим желанием, прежде чем оно сломает реальность. В саду новая подруга Мира знакомит Лиру с практикой планирования: «желание должно быть компасом, а не ломающейся дверью». Глава о силе желания, доверии друг к другу и цене контроля.»

© Калафат Е., 2026
© Автор, 2026

Евгения Калафат
Лира и Школа Небесной канцелярии

Глава 1

Лира и Школа Небесной Канцелярии

ГЛАВА I.

Поздняя осень цеплялась за замок последними пожелтевшими листьями — они кружились в воздухе, будто не хотели сдаваться надвигающейся зиме. Небо нависло низко, серое и тяжёлое, словно само пространство решило укутаться в сумерки задолго до заката.

У подножия замковой лестницы стояла девушка. Чемодан у её ног казался слишком громоздким для такой хрупкой фигуры, а пальцы крепко сжимали письмо — потрёпанное, с надорванным краем конверта, будто его не раз доставали и снова прятали, не в силах ни выбросить, ни принять написанное. На плотной бумаге темнели строчки, выведенные чужой, строгой рукой: приглашение, которое больше походило на вызов.

Сам замок смотрел на неё пустыми провалами окон. Когда-то он, вероятно, был гордостью этих земель — с изящными башенками, резными карнизами и парадным фасадом, обращённым к дороге. Теперь же плющ оплетал стены, скрывая трещины в камне, а черепица кое-где обвалилась, обнажая тёмные провалы под крышей. Ветви старых дубов, почти лишённых листвы, тянулись к зданию, словно пытались обнять его или удержать от окончательного распада.

Холодный ветер пробирался под рубашку, заставляя Лиру вздрагивать, но она не двигалась с места. Только крепче прижимала к себе письмо, будто оно могло согреть. В воздухе витал запах прелой листвы, сырого камня и чего-то неуловимо старого — будто само время здесь текло иначе, медленнее, тяжелее.

В одном из окон на верхнем этаже мелькнул слабый свет — всего на мгновение, как отблеск свечи, тут же погасший. Лира подняла голову, вглядываясь в темноту. Замок будто наблюдал за ней, испытывая, решая, достойна ли она переступить порог. И в этот миг она вдруг поняла: письмо — не просто приглашение. Это был пропуск в мир, где тени живут дольше людей, а секреты прячутся в каждой трещинке старого камня.

Тяжёлая дубовая дверь, покрытая резьбой из переплетённых теней, скрипнула, будто вздохнула после долгого молчания. Девушка крепче сжала ручку чемодана и шагнула внутрь — и мир за порогом мгновенно переменился.

То, что снаружи казалось заброшенным замком, внутри превратилось в лабиринт, где законы привычной физики будто намеренно нарушались. Коридоры уходили не вперёд, а вверх и вбок одновременно, лестницы петляли, словно живые, а вместо привычных окон тянулись узкие прорези, сквозь которые лился не солнечный свет, а мягкое, перламутровое сияние, будто само пространство здесь было сделано из сумерек.

В холле её встретили трое — и каждый выглядел так, будто пришёл из другого времени и сна.

Первый — высокий мужчина в длинном сюртуке цвета старого серебра; его волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб, а глаза казались почти прозрачными. Он держал в руках тонкую костяную линейку, которой то и дело постукивал по ладони, будто отсчитывал не секунды, а чужие судьбы.

Рядом стояла миниатюрная женщина с лицом, напоминающим фарфоровую маску: безупречно-гладкое, лишённое морщин, лицо, но с пугающе живыми, тёмными, как омуты, гла-

зами. На её плечах лежал плащ из перьев — не птичьих, а будто сотканных из дыма. Она не смотрела на девушку, а скользила взглядом по теням, словно читала в них строки невидимой книги.

Третий был совсем юным — не старше самой героини, но с выражением лица, в котором читалась древняя усталость. Он нервно теребил пуговицу на потрёпанном жилете и время от времени бросал на девушку быстрые, виноватые взгляды, будто знал о ней что-то, чего она сама не помнила.

— Наконец-то, — произнёс мужчина с линейкой, и звук его голоса отозвался эхом не в зале, а где-то глубоко внутри головы, как будто слова проникали сразу в мысли. — Мы уже начали думать, что письмо потерялось между мирами. Или что ты просто испугалась.

Женщина с перьями наконец повернула голову. Её губы изогнулись в лёгкой улыбке, от которой по спине девушки пробежал холодок.

— Не стоит торопиться с выводами, Альтан. Она здесь. А значит, готова к учёбе… или хотя бы к испытанию.

Юноша тихо кашлянул и шагнул чуть вперёд, будто хотел что-то сказать, но тут же отступил, когда женщина метнула на него короткий взгляд.

— Добро пожаловать в Школу Небесной Канцелярии, Лира, — произнесла она, и само название прозвучало как заклинание. — Здесь мы не учим предметам. Мы учим видеть то, что скрыто за буквами, за линиями, за тенями. Здесь каждое слово — документ, каждая мысль — отчёт, а каждая тень — свидетель. – девушка многозначительно приподняла руку и закрыла глаза, словно какие-то потусторонние голоса еще что-то хотели ей сказать.

Девушка хотела спросить, что всё это значит, но слова застыли в воздухе, потому что в этот момент она заметила, как тени вдоль стен шевельнулись. Они не просто лежали на полу и стенах — они двигались, сплетаясь в узоры, складываясь в буквы, в силуэты, в сцены, которых не могло быть в этом зале. Одна тень скользнула по полу и на мгновение приняла очертания её собственного лица — но с чужими, пустыми глазами.

— Не пугайся, — тихо сказал юноша, почти шёпотом, пока старшие не слышали. — Тени здесь не злые. Они просто… любопытные. Они запоминают всё. И иногда показывают то, что ты сама боишься вспомнить.

Мужчина с линейкой резко щёлкнул ею по воздуху, и тени тут же замерли, рассыпавшись на обычные тёмные пятна.

— Довольно лирики, Каэл. Проводи её в крыло Первокурсников. Пусть сначала освоится с расписанием. И напомни ей главное правило Школы: здесь нельзя лгать даже себе. Тени всё равно узнают.

Каэл кивнул и сделал приглашающий жест в сторону коридора, который, казалось, сам подстроился под их шаги, меняя угол наклона и ширину. Девушка подхватила чемодан и пошла за ним, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует, будто отзываясь на каждый шаг.

Когда они свернули за угол, холл исчез из виду, но девушка успела заметить, как женщина с перьями снова склонилась к теням, водя по ним кончиками пальцев, словно подписывала невидимый договор.

Коридор впереди мерцал, будто сотканный из лунного света и чернил. Каэл шёл чуть впереди, не оборачиваясь, но время от времени замедлял шаг, давая ей возможность привыкнуть к этому странному пространству.

— Здесь всё не такое, каким кажется, — наконец произнёс он, не глядя на неё. — Даже я. Даже ты. Особенно ты. Письмо, которое ты держала… оно не просто приглашение. Оно — пропуск, ключ и приговор одновременно. В Небесной Канцелярии всё имеет три значения. Ты скоро в этом убедишься.

Они остановились перед дверью, на которой не было ни ручки, ни номера — только тонкая линия, пульсирующая слабым голубым светом. Каэл коснулся её пальцем, и линия вспыхнула, раскрываясь узором, похожим на отпечаток крыла.

— Это твоя комната, — сказал он. — Пока что. В этой школе комнаты любят менять хозяев… и сами меняться. Не удивляйся, если завтра здесь будет окно там, где сегодня стена.

Он наконец посмотрел на неё прямо, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— И ещё. Если ночью услышишь шёпот — не отвечай сразу. Сначала спроси: «Чьё это дело?» Так положено по протоколу.

С этими словами он кивнул, развернулся и пошёл прочь, а его тень на стене на мгновение задержалась, будто хотела что-то добавить, но потом растворилась в полумраке.

Девушка осталась одна перед дверью, которая теперь мягко светилась, приглашая войти. Чемодан казался тяжелее, чем раньше, а письмо в кармане — будто горячее, словно оно всё ещё ждало ответа. Она глубоко вдохнула воздух, пахнущий старой бумагой, воском и чем-то неуловимо холодным, как дыхание забытых воспоминаний.

И, не раздумывая больше, толкнула дверь.

***

Каэл увидел её не глазами, а всем своим внутренним холодом, который годами копился в душе. Он привык, что новички либо дрожат от страха, либо пытаются казаться смелее, чем есть. А она стояла, сжимая чемодан и письмо, будто держала в руках не груз неизвестности, а что-то очень личное, почти священное. В ней не было показной храбрости, но была упрямая, тихая решимость — как у человека, который знает, что назад дороги нет, и всё равно делает шаг вперёд.

Когда он повёл её по коридору, его взгляд то и дело возвращался к её силуэту: к тому, как она чуть вздрагивала от странного эха, но не останавливалась; как её пальцы нервно касались края письма, будто проверяя, на месте ли оно. И в этот миг что-то внутри него дрогнуло — не как влюблённость из романов, а как внезапное осознание: перед ним стоит тот, кто может всё здесь изменить. Или погибнуть. И от этой мысли ему стало одновременно страшно и… почти легко.

Он влюбился не в её красоту, а в эту странную смесь уязвимости и стальной воли — в то, как она смотрела на тени, не отводя глаз, будто пыталась прочитать в них своё будущее. И ещё — в её молчание. В нём не было высокомерия, только сосредоточенность, как у человека, который слушает мир внимательнее, чем говорит сам.

Пока он вёл её к комнате, мысли его метались. Он знал, куда идёт — не просто по коридору, а по узкой тропе между долгом и чем-то новым, что начинало прорастать в груди вопреки всем правилам Школы. Каэл шёл туда, где ему предстояло нарушить негласный кодекс: не докладывать сразу о каждом шаге новенькой, не прятать от неё правду за туманными фразами. Он шёл туда, где впервые за долгое время хотел быть не просто проводником, а союзником. И это пугало его больше, чем любые тени.

***

Лира сидела на широком каменном подоконнике — таком массивном, что он скорее походил на скамью, выточенную из цельного куска серого камня. Она подтянула колени к груди, обняла их и замерла, глядя в огромные окна, занимавшие почти всю стену.

Окна были не просто большими — они казались порталами в другой мир. Высокие, стрельчатые, с переплетами, напоминавшими тонкие ветви деревьев, они уходили вверх, теряясь в полумраке под потолком. Стёкла в них были не обычными: в них будто застыли слои сумерек — то полупрозрачные, как тонкая вуаль, то густые, почти чёрные. Сквозь них не было видно привычного неба — только переливы цвета: от глубокого фиолетового до пепельно-серого, будто кто-то смешал краски прямо в воздухе.

За этими стёклами кружили существа, которых Лира никогда раньше не видела. Они не были похожи ни на птиц, ни на бабочек, ни на летучих мышей — и всё же в каждом из них угадывалось что-то от всех сразу. Одни напоминали осколки лунного света, скреплённые тонкими нитями крыльев; другие — крошечные вихри, в которых мелькали искорки, словно звёзды, пойманные в ловушку ветра. Их крылья издавали тихий, едва уловимый звон — будто кто-то водил пальцем по краю хрустальных бокалов.

Некоторые из них подлетали вплотную к стеклу, замирали на мгновение, словно разглядывая Лиру, и снова срывались в полёт, оставляя за собой тонкие светящиеся следы, которые медленно таяли в воздухе. У одних были глаза, похожие на капли росы, у других — вовсе не было лиц, только сияние, пульсирующее в ритме их полёта.

Лира не знала, кто они — стражи, курьеры, хранители или просто часть архитектуры этого странного места. Но в их движении была какая-то упорядоченная красота, будто каждый взмах крыла был частью сложного, невидимого уравнения. Иногда они выстраивались в узоры — спирали, волны, цепочки, — и тогда казалось, что небо само пишет ей послание, которое она пока не умела читать.

Комната вокруг была почти пустой: кровать с тяжёлым тёмно-синим покрывалом, небольшой стол, на котором лежал её чемодан, да пара стульев с высокими спинками. Но

именно эти окна делали комнату не просто убежищем, а чем-то большим — наблюдательным пунктом на границе миров.

Лира протянула руку к стеклу. Один из существ — похожий на крошечную комету с хвостом из серебристых нитей — завис напротив её ладони, будто ждал, не коснётся ли она его. На секунду их взгляды встретились: в его сияющих глазах мелькнуло что-то вроде любопытства, смешанного с древней усталостью. А потом он резко взмыл вверх, увлекая за собой стайку других, и они закружились в сложном танце, рисуя в воздухе невидимые символы.

В этот момент Лира вдруг поняла: эти существа не просто летают. Они следят. За временем, за тенями, за тем, как меняется свет в комнате. И, возможно, за ней самой.

Она опустила руку и прижалась лбом к прохладному стеклу. В отражении она видела не только себя — усталую, растерянную, но всё ещё упрямую, — но и отблески этих летающих огоньков, которые словно пытались проникнуть внутрь, чтобы осветить то, что пряталось в её мыслях.

II

Школа Небесной Канцелярии не стоит на карте. Она существует между мирами: её можно найти только в дни, когда граница между реальностью и воспоминаниями становится тоньше — в сумерках поздней осени, в первые минуты после грозы, в тот миг, когда тень от дерева впервые касается стены дома. *Замок появляется там, где кто-то отчаянно ищет ответ, который нельзя выразить словами.*

***

Лира стояла у подножия замковой лестницы, и ветер, резкий, как пощёчина поздней осени, трепал её светлые волосы, будто впитавшие в себя все оттенки выцветшего льна и старого золота. Они падали лёгкими, непослушными прядями, то и дело падая на лицо, и она машинально заправляла их за ухо, но они тут же вырывались снова, будто не хотели быть укрощёнными.

Прямо перед ней, в полумраке холла, замерли те самые фигуры, что она видела мельком раньше, но теперь они смотрели на неё открыто, пристально, без притворной вежливости. Мужчина в сюртуке цвета старого серебра постукивал костяной линейкой по ладони — тик-так, тик-так — и этот звук странным образом совпадал с тем самым перезвоном. Женщина в плаще из перьев чуть склонила голову, и в её тёмных глазах мелькнуло что-то вроде узнавания — будто она читала Лиру, как страницу, которую уже видела раньше, но забыла, о чём там говорилось.

А чуть в стороне, чуть позади них, стоял Каэл. Он не постукивал ничем, не играл взглядами, не пытался казаться страшнее или важнее. Просто стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на Лиру так, будто пытался запомнить каждую деталь: как она поправляет очки, как сжимает письмо, как её светлые волосы ловят последние отблески света, прежде чем их поглотит полумрак холла. В его взгляде не было ни насмешки, ни восторга — только напряжённое ожидание, как у человека, который знает, что сейчас произойдёт что-то важное, и не уверен, сможет ли он это остановить.

— Ты опоздала на три минуты, — сухо произнёс мужчина с линейкой, и голос его прозвучал так, будто он измерял не время, а саму её решимость. — В Школе Небесной Канцелярии три минуты — это целая жизнь. Или её конец.

Женщина в перьях подняла руку, и тени вокруг неё шевельнулись, складываясь в тонкие, дрожащие линии, похожие на строки невидимого текста.

— Не будь таким драматичным, Альтан, — сказала она мягко, но в этом голосе звенела сталь. — Она здесь. А значит, готова. Или хотя бы достаточно упряма, чтобы притворяться, что готова.

— Я здесь. И я хочу знать, что значило то письмо.

Тишина, которая повисла после её слов, была не пустой — она была наполнена тысячами невидимых взглядов. Каэл чуть заметно кивнул, будто одобряя её смелость или, может быть, её глупость. Он сделал шаг вперёд, отделяясь от старших, и его тень на стене дрогнула, прежде чем последовать за ним.

— Это позже, занятие уже началось. Тебе нельзя упускать ни секунды.

Зал, в который они вошли, меньше всего походил на привычный класс. Скорее это был перевёрнутый купол: потолок уходил вверх, теряясь в полумраке, а стены были не из камня, а из слоёв теней — они накладывались друг на друга, как страницы старого альбома, и в них можно было разглядеть смутные силуэты прежних учеников, застывших в разных позах: кто-то склонялся над столом, кто-то смотрел в окно, кто-то будто пытался что-то стряхнуть с рукава.

В центре стояли не парты, а низкие полукруглые скамьи из тёмного дерева, испещрённые тонкими линиями — как будто кто-то пытался вырезать на них все возможные оттенки тишины. На каждой скамье уже сидели студенты — человек десять, не больше. Они не шумели, не перешёптывались, но в их взглядах читалось то самое напряжённое любопытство, с которым смотрят на что-то редкое и потенциально опасное.

Она опоздала — это было ясно по тому, как все головы одновременно повернулись к ней, по тому, как в зале стало ещё тише, если такое вообще было возможно.

Каэл остановился рядом, но не стал подталкивать её вперёд. Только тихо, одними губами, прошептал:

— Стой прямо. Не прячь руки. Здесь всё читают по движениям.

Альтан стоял у передней скамьи, постукивая костяной линейкой по краю стола. Звук был сухим, резким, как щелчок затвора.

— Три минуты и сорок семь секунд, — произнёс он, не глядя на часы — будто просто вытащил эту цифру из воздуха, как улику. — В Небесной Канцелярии даже секунда — это документ. А опоздание — признание вины. Признаёшься, Лира?

Она хотела сжать пальцы в кулаки, спрятать дрожь, но вспомнила слова Каэла и распрямила ладони.

— Я не признаю вину, — голос прозвучал чуть хрипло, но твёрдо. — Я признаю факт. Я опоздала. Но я здесь.

По залу прокатился тихий, едва уловимый шёпот — не слов, а скорее оттенков: удивления, скепсиса, и где-то в углу — едва заметного одобрения. Женщина в плаще из перьев чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к этому шёпоту, как к далёкому эху.

— Интересно, — протянула она, и её голос прозвучал как шелест страниц. — **Девочка без фильтров. Посмотрим, сколько продержится.**

Альтан резко щёлкнул линейкой, и звук разошёлся по залу, заставляя тени на стенах дрогнуть и перестроиться.

— Первое занятие. Тема: «Как тени становятся свидетелями». Задача: найти в этом зале то, что помнит вас лучше, чем вы сами. У вас есть десять минут. Время пошло.

Студенты тут же склонились над своими скамьями, проводя пальцами по вырезанным линиям, вглядываясь в тени, прислушиваясь к чему-то, чего Лира пока не слышала. Кто-то достал маленький стеклянный флакон и капнул на дерево каплю прозрачной жидкости — тень под ней вспыхнула тусклым голубым светом и начала медленно разворачиваться, как свиток.

Лира стояла, чувствуя себя единственной неподвижной точкой в зале, где всё двигалось, шептало, дышало. Она не знала, куда смотреть, что трогать, к чему прислушиваться.

Каэл незаметно подвинулся ближе, не нарушая правил, но давая понять, что она не совсем одна.

— Не ищи глазами, — прошептал он. — Ищи кожей. Тени оставляют след не на поверхности, а в ощущениях. Закрой глаза на секунду. Что ты чувствуешь?

Она послушалась. Мир сразу стал другим: холод стал острее, тишина — тяжелее, а где-то совсем близко, у самой груди, появилось странное тепло — как будто что-то внутри неё отзывалось на ритм зала.

Когда она открыла глаза, то увидела это. Прямо перед ней, на полу, там, где сходились несколько линий света, лежала маленькая тень — не от предмета, а сама по себе. Она была не чёрной, а тёмно-синей, почти фиолетовой, и в ней мерцали крошечные искры, похожие на отражения звёзд. Тень не лежала неподвижно — она слегка пульсировала, будто дышала.

И вдруг Лира поняла: эта тень была *её*. Не просто её силуэт, а след её шагов, её страха, её решимости — всё, что она принесла с собой в этот зал, отпечаталось здесь, на этом полу, в этой точке.

Она присела на корточки, не касаясь тени, но так близко, что почувствовала, как воздух вокруг неё становится плотнее.

— Это… я? — тихо спросила она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Женщина в перьях подошла бесшумно, как тень, и остановилась рядом. Её глаза на мгновение потемнели, будто она заглянула в ту же самую тьму, что и Лира.

— Почти, — сказала она. — Это не ты. Это то, что ты оставила позади, когда переступила порог. Твоя прошлая версия. И она хочет что-то тебе сказать. Слушай не ушами. Слушай спиной.

Лира закрыла глаза снова. И тогда она услышала. Не слова, а ощущение — лёгкий холодок между лопаток, как будто кто-то тихо выдохнул: «Не оглядывайся. Но и не забывай».

Когда она снова открыла глаза, тень уже не была просто тенью. В её контурах проступили тонкие линии, складывающиеся в узор — тот самый, что она видела в небе, когда смотрела на скрибов-эфиров. И в центре этого узора мерцала крошечная точка света.

Альтан снова щёлкнул линейкой.

— Время. Кто готов отчитаться?

Студенты начали по очереди поднимать головы, называть свои находки: «Я нашёл тень своего первого страха», «Я увидел, как моя ложь отражается в углу», «Я услышал, как прошлое шепчет моё имя».

Когда очередь дошла до Лиры, она выпрямилась, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует, будто зал одобряет её решение.

— Я нашла свою тень, — сказала она спокойно. — И она не хотела меня напугать. Она хотела напомнить, что я уже сделала шаг. И что назад дороги нет.

В зале снова стало тихо, но теперь эта тишина была другой — не осуждающей, а внимательной. Даже Альтан на секунду задержал взгляд на её лице, будто пытаясь прочитать в нём что-то большее, чем просто ответ.

— Принято, — наконец произнёс он. — Запиши это в свой внутренний архив. Потому что в Небесной Канцелярии самое ценное — не знания. Самое ценное — признания.

Каэл едва заметно улыбнулся уголком губ, будто говоря: «Ты справилась. Пока что».

Альтан постучал костяной линейкой по столу — звук отозвался не в зале, а где-то глубоко в груди, будто запускал невидимый отсчёт.

— Тема сегодняшнего задания — «Осознанные сны как архивные записи». Ваша задача: не просто увидеть сон, а зафиксировать в нём конкретный факт. Не эмоцию, не ощущение, а факт. Кто-то вспомнит забытое имя. Кто-то увидит, как тень падает на определённую трещину ровно в три часа ночи. Кто-то услышит фразу, сказанную шёпотом, и сможет её записать. Это и будет вашим документом.

Он обвёл взглядом аудиторию, и его глаза на секунду задержались на Лире — не с интересом, а с холодной оценкой, будто он прикидывал, сколько времени ей понадобится, чтобы сломаться.

— Самостоятельная работа — в библиотеке. Там есть специальные читальные боксы, экранированные от внешних шумов и внутренних страхов. Вы будете работать с «сонными хрониками» — записями чужих снов, которые успели осесть на бумаге. Ваша цель — найти в них повторяющийся мотив и соотнести его с собственным сном. Время — до заката. И да, в библиотеке не принято разговаривать громко. Там слушают.

Студенты начали подниматься, собирая тонкие папки с полупрозрачными листами, на которых линии то появлялись, то исчезали, словно чернила были живыми. Лира всё ещё стояла у своей скамьи, чувствуя, как пол под ногами слегка вибрирует — будто зал не хотел её отпускать.

Каэл подошёл к ней, стараясь делать это так, чтобы не привлекать внимания Альтана, но вышло всё равно слишком заметно: женщина в плаще из перьев чуть приподняла бровь, будто заметила эту маленькую, но важную деталь.

— Я провожу тебя, — быстро сказал Каэл, будто оправдываясь. — В библиотеке легко заблудиться. Там коридоры меняются, если ты не знаешь, что ищешь.

Лира хотела возразить, что справится сама, но вспомнила, как тени шептали ей в зале, и кивнула.

Пока они шли по переходам, Каэл всё время будто хотел что-то сказать, но не решался. Дойдя до края коридора он выдохнул:

— Слушай, я должен тебе кое-что рассказать. Не всё, но… хоть часть. В этих «сонных хрониках» есть одна особенность: они не просто хранят сны. Они хранят те моменты, когда человек был на грани — между сном и явью, между правдой и ложью. И если ты будешь искать в них только факты, ты ничего не поймёшь. Нужно искать стыки — места, где реальность трескается.

Он остановился у тяжёлой двери, на которой не было ручки, только тонкая линия, пульсирующая тусклым светом.

— Ты ведь пришла сюда не просто так. Это письмо… оно не всем приходит. И не все, кто его получает, заходят внутрь. Многие разворачиваются у порога. Ты не из таких. Но именно поэтому тебе будут ставить ловушки. Не Альтан, не наставники… сама Школа. Она проверяет, достойна ли ты видеть то, что скрыто.

Лира смотрела на него, чувствуя, как слова оседают внутри, тяжёлые и важные.

— Почему ты мне это говоришь? — тихо спросила она. — Разве это не против правил?

Каэл невесело усмехнулся и провёл пальцем по светящейся линии на двери. Та вспыхнула и раскрылась, образуя арку.

— Потому что правила здесь пишут те, кто боится правды. А я… я просто не хочу, чтобы ты столкнулась с ней в одиночку.

Библиотека встретила их тишиной, которая была не пустой, а наполненной шёпотом тысяч страниц. Высокие стеллажи уходили вверх, теряясь в полумраке, а между ними висели тонкие нити света, похожие на застывшие следы падающих звёзд. Вдоль стен стояли низкие боксы с тяжёлыми дверцами, и в каждом из них, как говорили, время текло иначе — минута снаружи могла быть часом внутри.

Каэл подвёл Лиру к одному из боксов и открыл дверцу. Внутри было темно, но стоило ей шагнуть внутрь, как пространство мягко засветилось тусклым, тёплым светом, а на столе появилась тонкая папка с надписью, написанной будто её собственным почерком: «Для Лиры. Не читай глазами. Чувствуй».

— Здесь ты будешь работать, — сказал Каэл. — Но помни: не пытайся контролировать сон. Позволь ему вести тебя. И если увидишь что-то странное — не пугайся. В Школе странное — это просто ещё не понятое.

Он уже собирался уйти, но остановился на пороге, будто что-то держало его.

— И ещё… если вдруг почувствуешь, что время ускоряется — посмотри на свои руки. Реальность всегда держится за детали. Если пальцы станут прозрачными — значит, ты слишком глубоко. Возвращайся.

С этими словами он закрыл дверцу, и Лира осталась одна. Папка лежала перед ней, и стоило ей коснуться обложки, как страницы начали медленно перелистываться сами по себе, показывая не текст, а образы: тёмная комната, окно, за которым кружатся снежинки, и чья-то тень, склонившаяся над столом…

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, и вдруг почувствовала, как холод пробирается под кожу — не обычный холод, а какой-то внутренний, будто сама реальность начала замерзать.

Каэл остановился. Что-то остановило его. Сначала это был просто странный звук — тихий, едва уловимый хруст, похожий на то, как трескается тонкий лёд. Потом воздух стал гуще, тяжелее, и в библиотеке начало темнеть не так, как обычно, а будто кто-то выключил свет. Лира распахнула дверцу бокса и выглянула наружу. Коридоры, которые ещё минуту назад были наполнены мягким светом, теперь были затянуты морозным туманом. А с потолка, вместо пылинок, начали падать снежинки — крупные, тяжёлые, они кружились в воздухе, оседая на полках, на страницах книг, на полу. Но самое странное было в том, что снег не таял. Он ложился плотным слоем, скрывая под собой узоры на полу и делая пространство чужим, незнакомым.

— Это не по расписанию, — произнёс кто-то низким, гулким голосом, в котором слышался звон льда. — Кто-то нарушил баланс. Кто-то позволил снам просочиться в реальность.

Маленький персонаж метнулся вперёд, его глаза быстро скользили по полкам, по страницам, по теням.

— Здесь пахнет нарушением, — прошипел он. — Пахнет тем, кто не должен был сюда прийти.

Лира стояла, чувствуя, как холод проникает под кожу, и вдруг поняла: эти двое — не студенты и не наставники. Это Хранители Перехода. Те, кто следит за тем, чтобы сны не становились реальностью, а реальность не растворялась в снах.

В этот момент из тумана выскользнул Каэл. Он выглядел встревоженным, но не испуганным.

— Стойте! — крикнул он, вставая между Лирой и Хранителями. — Это не её вина. Это… побочный эффект. Мы просто работали с хрониками.

Высокий Хранитель медленно повернул голову, и его взгляд скользнул по Каэлу, словно оценивая его слова.

— Побочный эффект? — переспросил он, и голос его прозвучал как треск льда. — В Небесной Канцелярии нет побочных эффектов. Есть только последствия. И если кто-то позволил снам выйти за пределы хроник, значит, он должен за это ответить.

Маленький Хранитель метнулся к полке, схватил одну из книг и резко открыл её. Страницы зашелестели, и из них вырвался вихрь снежинок, который закружился вокруг Лиры, словно пытаясь что-то в ней прочитать.

— Она слишком близко, — прошипел маленький. — Она почти видит стыки.

Каэл шагнул вперёд, закрывая Лиру собой.

— Тогда пусть это буду я, — твёрдо сказал он. — Я ей помогал. Значит, я и отвечу.

Хранитель с посохом прищурился, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или на любопытство.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Ты ответишь. Но не словами. Действием. Найди источник утечки. Найди, где сон прорвался в реальность. И пока ты этого не сделаешь, снег не остановится.

И с этими словами они оба растворились в вихре снежинок, оставив после себя только холод и тишину.

Каэл обернулся к Лире, его лицо было бледным, но решительным.

— Прости, — тихо сказал он. — Я хотел тебе всё рассказать, но не так. Не под угрозой.

Лира покачала головой.

— Не извиняйся. Просто скажи, что делать.

Он глубоко вдохнул, будто собираясь с силами.

— Мы должны найти точку прорыва. Место, где граница между сном и реальностью стала тоньше всего. Обычно это бывает там, где кто-то сильно чего-то хотел… или боялся. В библиотеке таких мест несколько. Но есть одно… особенное.

Он взял её за руку — не для того, чтобы вести, а чтобы она не потерялась в этом снежном лабиринте.

— Пойдём. У нас мало времени. Пока снег не заполнил все коридоры, мы должны успеть.

Они двинулись вперёд, сквозь вихри снежинок, мимо полок, которые теперь казались не хранилищами знаний, а ловушками воспоминаний. И где-то впереди, в самом сердце библиотеки, мерцал слабый свет — как будто сама реальность пыталась сопротивляться этому вторжению.

Они шагнули к точке прорыва — туда, где воздух дрожал, как нагретый над огнём. Каэл протянул руку, будто хотел удержать реальность, но пальцы прошли сквозь мерцающую пелену, и в тот же миг пол ушёл из-под ног.

Они падали. Не в пустоту, а сквозь слои: мимо полок, которые рассыпались на буквы, мимо теней, ставших строками, мимо снежинок, что теперь кружились не в воздухе, а в ритме чьего-то дыхания. И вместе с ними падали снежинки — не белые, а полупрозрачные, будто вырезанные из лунного света, и каждая несла в себе крошечный отблеск воспоминания.

Лира схватилась за руку Каэла, и этот жест был не про страх, а про доверие: она хотела быть уверенной, что они падают вместе, а не просто рядом. Её светлые волосы взметнулись вверх, на секунду опередив падение, и на миг она увидела его лицо совсем близко — глаза, в которых отражался не холод библиотеки, а что-то тёплое, давно спрятанное. И в этот момент она вдруг поняла: именно этот взгляд — чуть настороженный, чуть виноватый, будто он уже тысячу раз пытался её защитить и не знал, получится ли в этот раз — она видела во сне. Каждую ночь, пока не научилась забывать. А теперь вспомнила.

И дисбаланс был её виной. Потому что когда он посмотрел на неё у порога, сон и реальность на секунду совпали — как два зеркала, поставленных друг напротив друга: отражение отразилось, и граница исчезла. Её желание быть понятой оказалось сильнее правил Школы. Её память оказалась громче тишины.

Падение замедлилось. Они не рухнули, а мягко опустились на пол, который теперь был не каменным, а похожим на застывшую воду — тёмную, гладкую, в которой плавали отголоски чужих снов. Снежинки оседали вокруг, складываясь в узоры, и эти узоры складывались в слова, которых никто не произносил вслух: *«Ты не одна. Ты никогда не была одна»*.

Каэл не отпуская её руку, и посмотрел на неё так, будто пытался запомнить каждую черту — как будто боялся, что если моргнёт, она снова станет сном. Его голос прозвучал тихо, но твёрдо, рассекая тишину этого чужого пространства:

— Да, я тоже тебя помню. Не из Школы. Не из архивов. Я помню твой взгляд — такой, будто ты видишь не только то, что перед тобой, а всё, что должно случиться. И я помню, как

ты тогда сказала: «Если мир начнёт рушиться, дай мне знать до того, как упадёт первая стена». Я не знал, что это был сон. Думал, это ты мне сказала наяву.

Лира замерла, чувствуя, как сердце бьётся где-то у самого горла. Она хотела спросить «когда?», «где?», «почему я не помню?», но вместо этого прошептала:

— Значит, это не Школа сводит нас. Это мы сами. Мы просто… не могли не встретиться.

Он чуть улыбнулся — не весело, а так, будто с плеч упал тяжёлый груз, который он носил слишком долго.

— Наверное, — тихо сказал он. — Но Школа умеет пользоваться тем, что уже есть. Она берёт наши сны и делает из них ловушки. Или ключи. Зависит от того, кто держит их в руках.

Снежинки вокруг них перестали падать. Они зависли в воздухе, как крошечные звёзды, и начали медленно собираться в арку — ту самую, под которой Лира когда-то прошла, даже не зная, что это граница. За аркой виднелся коридор, которого не было в библиотеке: стены были не из камня, а из переплетённых нитей света, а пол под ногами слегка пульсировал, будто дышал.

Каэл поднялся и помог ей встать. Их пальцы на секунду задержались, не желая расставаться.

— Это чужой сон, — сказал он, оглядываясь. — Не мой. Не твой. Чей-то старый, забытый, но он всё ещё жив. И пока он жив, снег не остановится. Нам нужно найти того, кто его видел. Нужно разбудить его… или дать ему то, чего он так и не получил.

Лира кивнула, чувствуя, как внутри что-то встаёт на место. Она больше не пыталась прятать дрожь в пальцах. Теперь это была не слабость — это было волнение перед тем, что наконец-то становилось понятным.

— Тогда пойдём, — сказала она, чуть крепче сжимая его руку. — И на этот раз… давай не будем терять друг друга из виду.

Он снова посмотрел на неё — и в этом взгляде было не только обещание, но и признание: он тоже боялся её потерять.

— Обещаю, — тихо произнёс он. — Даже если этот сон попытается нас разделить.

Они шагнули под арку из снежинок, и воздух вокруг них стал чуть теплее — будто сам сон, почувствовав их решимость, перестал быть врагом и стал просто пространством, которое нужно пройти.

Сон резко сменил декорации — будто кто-то дёрнул за невидимую нить, и чужой сон перетёк в другую сцену. Вместо коридора из света перед ними вспыхнул зал, залитый тёплым, янтарным светом. Здесь было шумно, весело, тесно от людей в ярких одеждах, от смеха, от звона бокалов. В воздухе витал запах корицы, воска и чего-то неуловимо знакомого — как запах дома, который помнишь с детства, но не можешь назвать.

Это была та самая вечеринка. Та, из их общего воспоминания. Лира узнала её сразу — не по деталям, а по ощущению: по тому, как сердце вдруг делает лишний удар, по тому, как воздух становится гуще от предвкушения. Она стояла у края зала, в том самом платье, которое надела, потому что хотела выглядеть смелой, а на самом деле просто прятала под тканью дрожь в коленях. Её светлые волосы были собраны небрежно, несколько прядей всё равно падали на лицо, и она то и дело заправляла их за ухо — тот самый жест, который потом станет для неё привычным.

А Каэл был там же, где и в её сне: у окна, чуть в стороне от толпы, будто ему было удобнее наблюдать, чем участвовать. Он держал в руках пустой бокал и смотрел не на гостей, а на отражение в стекле — и в этом отражении на секунду мелькнуло что-то такое, от чего у Лиры перехватило дыхание: будто он уже знал, что она войдёт, и ждал этого.

Они снова встретились взглядами — и мир вокруг на мгновение замер. Музыка стала тише, голоса растворились, и осталась только эта секунда: его глаза, её дыхание, тонкая линия

света между ними, похожая на натянутую струну. И в этот момент Лира поняла: именно тогда, на этой вечеринке, сон и реальность впервые соприкоснулись. Именно тогда она увидела в его взгляде что-то, что не принадлежало этому миру — что-то из Школы, из теней, из будущего. И её желание быть замеченной, быть услышанной, быть *важной* для него оказалось сильнее границ между мирами.

— Ты помнишь? — прошептала она, хотя они ещё не сказали друг другу ни слова в этом сне. — Ты помнишь, как я появилась?

Он чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к чему-то за ними.

— Я помню, — тихо сказал он. — Я помню, как свет упал на твои волосы и стал золотым. И я подумал: «Если сегодня случится что-то важное, пусть это будет связано с ней».

Но прежде чем они успели сделать шаг навстречу друг другу, пространство вокруг них дрогнуло. Пол под ногами пошёл рябью, как вода, по которой бросили камень. Тени в углу зала сгустились, вытянулись в длинные, острые клинья и метнулись к ним — не чтобы обнять, а чтобы разделить.

— Нет, — выдохнула Лира, протягивая руку, но воздух между ними стал вязким, непроходимым. — Не сейчас. Пожалуйста, не сейчас.

Каэл рванулся вперёд, но тень схватила его за плечо, потянула назад, и его фигура начала расплываться, как отражение в мутной воде.

— Лира! — крикнул он, и в этом крике было не только отчаяние, но и обещание: — Я найду тебя. Даже если это был сон. Даже если ты не поверишь, что это было на самом деле. Я найду.

И мир рассыпался.

***

Лира резко села на кровати резко, словно чуть не утонула. Сердце колотилось шумно и бешенно, а пальцы всё ещё сжимали пустоту — будто пытались удержать чью-то руку. Она коснулась лица — щёки были горячими, а на ресницах, кажется, ещё дрожали крошечные снежинки, хотя в комнате было тепло. Или ей так казалось.

В коридоре что-то скрипнуло, и Лира замерла, прислушиваясь. Но это был просто старый замок, который вздыхал по утрам. Ни голосов, ни шагов, ни теней, которые шепчут.

«Это был сон», — сказала она себе, пытаясь унять дрожь. — «Просто очень яркий, очень настоящий сон».

Но где-то внутри всё равно жило другое знание: это было не просто сновидение. Это была встреча, которую она сама притянула, потому что в тот вечер на вечеринке её желание было слишком сильным. Она хотела, чтобы он её заметил. Хотела, чтобы между ними что-то началось. И Школа, эта странная, живая Школа, услышала её желание и превратила его в дверь между мирами.

***

А в это же самое мгновение в другой части замка Каэл тоже сел на кровати, резко, будто кто-то толкнул его изнутри. Его комната была чуть больше, чуть светлее, но в ней тоже было пусто и тихо — и эта тишина давила сильнее любого шума.

Он провёл рукой по лицу, чувствуя, как кожа ещё хранит холод чужого сна. На полу у кровати лежал тонкий слой инея — крошечные кристаллы, похожие на застывшие снежинки. Он коснулся их пальцем, и они рассыпались в пыль, едва заметную в утреннем свете.

«Это был не просто сон», — подумал он, глядя на свои руки. — «Это была точка прорыва. И она была там. Она всё поняла».

Он вспомнил её взгляд — тот, на вечеринке, когда свет упал на её волосы и сделал их золотыми. Вспомнил, как что-то внутри него щёлкнуло, как замок, который ждал правильного ключа. И вспомнил свои собственные слова, сказанные в чужом сне:*«Я найду тебя».

Теперь эти слова звучали не как обещание, а как задача. Как долг. Как единственный путь вперёд.

Он встал, быстро оделся, не глядя по сторонам — будто боялся, что если задержится хоть на секунду, реальность снова сомкнётся, и он забудет то, что только что понял.

Когда он вышел в коридор, Лира уже стояла там — бледная, с крепко сжатыми пальцами, в очках, которые сползли на нос. Она подняла на него глаза, и в них было столько вопросов, что хватило бы на целую библиотеку.

— Это был сон? — тихо спросила она, будто боялась услышать ответ.

Каэл остановился напротив неё, не слишком близко, но и не далеко — ровно на расстоянии одного шага. Он хотел сказать «да», чтобы ей стало легче. Хотел сказать «нет», чтобы она знала, что они не одни в этом безумии. Но вместо этого он сказал правду — ту, которую мог произнести только здесь, в Школе, где тени слышат каждое слово:

— Это было и то, и другое. Это было воспоминание, которое мы сделали реальностью. И реальность, которую мы превратили в воспоминание. Но самое главное… — он чуть наклонил голову, и в его голосе прозвучало что-то тёплое, почти нежное, но твёрдое, как сталь, — … самое главное, что я помню. И ты помнишь. А значит, это было.

Лира медленно сняла очки, положила их в карман — так же, как в зале, когда училась видеть без фильтров. Мир снова стал чуть размытым по краям, но в центре всё горело слишком ярко: его лицо, его взгляд, тонкая линия света между ними, которая теперь не дрожала, а пульсировала, как живое сердце.

— Тогда что нам делать? — спросила она, и в этом вопросе не было страха — только решимость.

Каэл улыбнулся — не весело, а так, будто впереди их ждёт что-то сложное, но правильное.

— Мы будем учиться различать сны и реальность. Но не для того, чтобы забыть друг друга. А для того, чтобы знать, где искать, если нас снова разделят.

И они пошли по коридору — не спеша, но уверенно, мимо теней, которые теперь смотрели на них чуть иначе: не как на нарушителей, а как на тех, кто начал понимать правила игры.

Где-то высоко над ними, в витражных окнах, снова кружились снежинки — не настоящие, а те, что рождаются на стыке снов и воспоминаний. И каждый их узор был похож на букву. На слово. На обещание.

Библиотека встретила их не привычной тишиной, а странным, тягучим шёпотом — будто тысячи страниц одновременно пытались что-то вспомнить. После утреннего разговора коридоры будто стали ближе друг к другу, стены чуть наклонились, словно подслушивали. Тени на полу не лежали спокойно, а тянулись к ногам Лиры и Каэла, будто хотели провести их туда, где правда пряталась глубже всего.

— Нам нужны «сонные хроники» за тот год, — тихо сказал Каэл, оглядываясь, будто боялся, что само пространство подслушает. — Не любые. Те, что фиксируют сильные эмоциональные всплески — когда желание или страх становятся почти магией. В Небесной Канцелярии такие записи помечают серебряной нитью.

Лира кивнула, пальцы невольно сжались на оправе очков — но она не надела их. Решила видеть мир без фильтров, пока может.

Они свернули в сектор, который раньше казался пустым: полки здесь стояли не рядами, а кругами, будто пытались удержать что-то внутри. На корешках книг не было названий — только тонкие линии, похожие на морозные узоры. Каэл провёл ладонью по одной из полок, и линии вспыхнули тусклым светом, складываясь в слова: *«То, что ты искал, уже искало тебя»*.

— Сюда, — выдохнул он и потянулся к книге, переплетённой в тёмно-синюю кожу с серебряной застёжкой. — Это похоже на…

— На ту самую ночь, — закончила Лира, чувствуя, как по спине пробегает холодок, не от холода, а от узнавания. — Я чувствую это. Как будто кто-то шепчет мне на ухо: «Ты была там. Ты всё начала».

Каэл открыл книгу. Страницы не шелестели — они светились изнутри, как будто чернила были сделаны из воспоминаний. Лира наклонилась ближе и вдруг увидела: не текст, а живую сцену. Вечеринка снова возникла перед ними — не как воспоминание, а как окно в прошлое, которое можно было потрогать.

Она видела себя — в том самом платье, с прядью волос, падающей на лицо. Видела Каэла у окна. Видела, как их взгляды встретились. Но теперь, сквозь эту картину, проступали другие линии — тонкие, светящиеся, как вены под кожей. Они соединяли их двоих не просто взглядом, а чем-то большим: обещанием, которое было дано до того, как они вообще встретились.

А потом поверх сцены легли слова — не поверх, а будто изнутри, как голос, звучащий из самой книги:

«Договор заключён в момент первого узнавания. Не словами. Не подписями. А взглядом, в котором нет лжи. Стороны: Искатель и Хранитель. Условия: Искатель открывает двери, которые не должны быть открыты. Хранитель удерживает стены, когда они рушатся. Срок: до исполнения главного желания или до отказа от него. Свидетели: тени, свет, время».

Лира медленно подняла глаза на Каэла.

— Это… про нас? — прошептала она, и голос дрогнул. — Про ту ночь?

Каэл смотрел на строки, будто пытался прочитать между ними что-то, чего там не было написано. Его лицо стало бледнее, чем обычно, но в глазах появилось то самое упрямое спокойствие, которое появлялось, когда он решал, что будет держаться до конца.

— Да, — тихо ответил он. — Но не так, как кажется. Я… я знал, что это может быть записано. В Школе любое сильное пересечение фиксируют. Но я не думал, что это будет *договор*. И не думал, что я… — он запнулся, будто подбирая слово, которое не хотел произносить. — Что я буду в нём «Хранителем».

Лира покачала головой, чувствуя, как реальность вокруг становится чуть тоньше, будто бумага, которую можно порвать одним резким движением.

— Но я ничего не подписывала, — сказала она, и в её голосе прозвучало не обвинение, а испуг. — Я просто хотела, чтобы ты меня заметил. Просто хотела, чтобы эта ночь была настоящей.

Каэл закрыл книгу — не резко, а осторожно, будто боялся, что если хлопнет, то прошлое вырвется наружу.

— В Небесной Канцелярии не нужны подписи, — тихо сказал он. — Здесь достаточно намерения. Достаточно одного взгляда, в котором есть правда. И если два человека смотрят друг на друга и видят больше, чем просто лицо — Школа это фиксирует. Это её способ контролировать то, что нельзя объяснить.

Он сделал шаг ближе, но остановился, будто сам себе запретил подходить слишком близко.

— Но это не значит, что мы не можем его изменить, — добавил он твёрже. — Договоры здесь не высекают в камне. Их плетут из нитей, которые можно распутать. Или переплести по-новому.

Лира глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух в библиотеке становится тяжелее от смысла этих слов.

— Тогда скажи мне, — тихо произнесла она. — Если я — «Искатель», а ты — «Хранитель»… что это значит на самом деле? Что я должна искать? И что ты должен удерживать?

Каэл посмотрел на неё так, будто видел не только её лицо, а всю её историю — все страхи, все надежды, все моменты, когда она решала идти вперёд, даже если не знала, куда ведёт дорога.

— Думаю, — медленно сказал он, — ты ищешь правду, которая прячется за дверями, которые никто не решается открыть. А я… я должен быть тем, кто не даст этим дверям раздавить тебя, когда они распахнутся.

Он протянул руку — не к ней, а к полке, и коснулся другой книги, поменьше, с застёжкой в виде крошечного ключа.

— Здесь, — сказал он, — могут быть условия. Не весь договор, но его части. Если мы найдём все фрагменты, мы сможем понять, как его… переосмыслить.

Лира кивнула. Её пальцы дрожали, но она не прятала их. Вместо этого она положила ладонь рядом с его рукой — не касаясь, но достаточно близко, чтобы он знал: она здесь, она не уйдёт.

— Давай искать, — сказала она. — По одному фрагменту. По одной странице. Пока мы не поймём, как сделать так, чтобы этот договор работал не на Школу… а на нас.

И они начали. Страница за страницей, книга за книгой. Тени вокруг них больше не казались враждебными — они будто кивали, пропуская их дальше. Где-то высоко над полками кружились крошечные снежинки, но теперь они не падали, а висели в воздухе, как застывшие моменты времени.

Они двигались вдоль круговых полок, теперь уже не наугад, а с какой-то внутренней уверенностью — будто сами стены подсказывали, куда ставить ногу, где замедлиться, где не дышать. Лира шла чуть впереди, её светлые волосы ловили тусклый свет, который здесь казался не электрическим, а живым, как дыхание старых книг. Каэл держался рядом, но не слишком близко — будто боялся, что его присутствие может спугнуть нужную страницу.

На одной из полок, почти скрытой в нише, где тени лежали особенно густо, Лира вдруг остановилась. Книга там была не такой, как остальные: её обложка не светилась, а, наоборот, будто поглощала свет. На тёмно-серой коже не было узоров — только тонкая серебряная линия, изгибавшаяся, как след падающей звезды.

— Она… не хочет, чтобы её брали, — прошептала Лира, протягивая руку, но не касаясь. — Чувствуешь? Как будто она отталкивает.

Каэл наклонился, прищурился, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание — не самой книги, а того, что она хранила.

— Это не она отталкивает, — тихо сказал он. — Это договор защищается. Он не любит, когда его читают те, кто в нём участвует. Чем ближе ты к правде, тем сильнее он пытается спрятаться.

Лира глубоко вдохнула, будто собиралась нырнуть в холодную воду, и коснулась обложки. Пальцы чуть дрогнули, но она не отдёрнула руку. Книга сама раскрылась — не с шорохом страниц, а с тихим вздохом, будто освобождалась от долгого молчания.

И перед ними снова возникла та самая сцена — вечеринка, золотой свет, их взгляды, встретившиеся у окна. Но теперь поверх картинки легли новые строки — не поверх, а будто изнутри, как голос, звучащий прямо в груди:

«Главное желание Искателя начинает сбываться в момент первого узнавания. Оно не спрашивает разрешения. Оно просто прорастает сквозь реальность, меняя её форму. Условия: чем сильнее желание, тем тоньше граница между мирами. Риск: если Хранитель не удержит стены, реальность может треснуть и не срастись вновь».

Лира медленно подняла глаза на Каэла. В её взгляде не было паники — только холодная ясность, как у человека, который вдруг понял, что держит в руках не просто книгу, а детонатор.

— Это я, — тихо сказала она, и голос прозвучал твёрдо, без дрожи. — Это моё желание. Я хотела, чтобы эта ночь была настоящей. Я хотела, чтобы ты меня увидел. И теперь… теперь это меняет всё.

Каэл не стал отрицать. Не стал говорить «ты не виновата». Он просто кивнул, и в этом кивке было столько тяжести, сколько не бывает в простых словах.

— Да, — сказал он ровно. — И именно поэтому снег в библиотеке. Именно поэтому тени шепчут твои слова раньше, чем ты их произносишь. Именно поэтому Школа так внимательно за тобой следит. Твоё желание оказалось… достаточно сильным, чтобы стать ключом.

Он протянул руку и осторожно провёл пальцем по строке, не касаясь бумаги, будто боялся активировать что-то ещё.

— Но здесь есть и хорошая новость, — добавил он, чуть наклонив голову. — Смотри на последнее предложение. «Хранитель удерживает стены». Это значит, что баланс не только на тебе. Он и на мне. Пока я рядом и помню, кто я, пока я вижу, где граница начинает трескаться… я могу её удержать.

Лира сжала пальцы в кулаки, а потом снова разжала — медленно, будто училась заново владеть своими руками.

— Тогда скажи мне, — тихо, но твёрдо произнесла она, — что я должна делать? Как мне перестать быть… угрозой?

— Не переставай быть собой, — ответил Каэл, и в его голосе прозвучала та самая уверенность, которая появляется, когда человек принимает свою роль. — Просто учись видеть, где твоё желание становится слишком острым. Учись замечать, когда реальность начинает гнуться. И… не бойся звать меня. Даже если кажется, что это глупо. Даже если я буду на другом конце замка.

Она кивнула, и в этот момент что-то в воздухе изменилось — не резко, а едва заметно, как если бы кто-то повернул невидимый регулятор. Тени на стенах перестали тянуться к ним, а будто отступили, признавая: эти двое поняли правила.

Но прежде чем они успели закрыть книгу, в зале раздался звук, который здесь был почти невозможен — чёткий, сухой шаг, эхом прокатившийся по полкам.

Альтан стоял в проходе между стеллажами, в своём сюртуке цвета старого серебра, и костяная линейка в его руке постукивала по ладони — тик-так, тик-так — в ритме, который казался слишком медленным для этого напряжённого момента.

Женщина в плаще из перьев стояла чуть позади него, её тёмные глаза скользили по полкам, по книге в руках Лиры, по их лицам — будто считывала не эмоции, а архивные метки.

— Любопытное место вы выбрали для самостоятельной работы, — спокойно произнёс Альтан, и его голос звучал не как обвинение, а как констатация факта. — Сектор запрещённых хроник. И книга с меткой «ограниченный доступ». Интересно, как вы её нашли.

Лира выпрямилась, не пряча книгу, но и не выставляя её напоказ. Она не стала лгать, не стала оправдываться — просто посмотрела ему прямо в глаза.

— Мы искали правду о том, что происходит, — сказала она ровно. — О том, почему сны начинают падать в реальность. И мы нашли… часть договора. Того, что связывает меня и Каэла.

Альтан чуть приподнял бровь — единственный признак того, что её слова его удивили.

— Договор, — повторил он, и слово прозвучало как термин, а не как метафора. — Да. В Небесной Канцелярии многое держится на договорах. Даже те, о которых люди не знают, что их заключили.

Он сделал шаг вперёд, и тени вокруг него шевельнулись, будто расступаясь перед чем-то более тяжёлым, чем просто человек.

— И что же вы узнали? — спросил он, глядя теперь не на Лиру, а на Каэла, будто именно от его ответа зависело, что произойдёт дальше.

Каэл не опустил взгляд.

— Что желание Искателя уже начало сбываться, — спокойно ответил он. — И что моя роль — удерживать стены, когда они начинают трескаться. Мы поняли, что это не просто метафора. Это… механика.

Альтан кивнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Хорошо, — произнёс он, и в этом «хорошо» не было одобрения, а была оценка. — Вы поняли суть. Но знание без контроля — это риск. А в Школе мы не любим рисков.

Он перевёл взгляд на Каэла и чуть наклонил голову.

— Ты, как регистратор, должен быть на своих занятиях. Сейчас. Есть группа первокурсников, которые не понимают разницы между «запомнить» и «прочувствовать». Иди и покажи им эту разницу.

Каэл напрягся, будто хотел возразить, но сдержался. Он знал правила — или знал, что спорить сейчас бесполезно.

— А Лира? — коротко спросил он.

— Лира останется здесь, — спокойно сказал Альтан. — Под моим надзором. Мы… обсудим её прогресс. И то, как она собирается управлять своим желанием.

Каэл на секунду задержал взгляд на Лире — не испуганно, а так, будто пытался передать ей что-то без слов: «Держись. Не соглашайся ни на что, не подумав. Я вернусь».

— Я вернусь, — тихо сказал он, будто прочитал её мысли. — Как только смогу.

И ушёл — не оглядываясь, но с такой ровной спиной, будто нёс на себе не просто приказ, а часть той самой стены, которую должен был удерживать.

Когда его шаги стихли, в зале стало тише, но не спокойнее. Тишина теперь была напряжённой, как натянутая струна.

Альтан подошёл ближе, не торопясь, и положил костяную линейку на полку рядом с книгой — не как угрозу, а как точку отсчёта.

Он повернулся и пошёл прочь, а женщина в перьях на секунду задержалась, будто хотела что-то добавить. Но вместо этого она просто чуть наклонила голову — и исчезла в полумраке, оставив после себя только лёгкий запах озона и старых страниц.

Лира осталась одна в секторе запрещённых хроник, но теперь это одиночество не пугало её. Она знала: Каэл вернётся. Она знала: Альтан не враг, а строгий учитель, который проверяет, выдержит ли она вес своей правды. И она знала самое главное — её желание не было ошибкой. Оно было силой. И теперь ей предстояло научиться этой силой управлять.

Сад возле замка встретил Лиру не тишиной, а странным, живым шёпотом — будто ветер перебирал не листья, а чьи-то забытые слова. Кустовые розы стояли под пушистым снегом, словно застывшие в ожидании: их бутоны были укрыты белыми шапочками, но сами стебли изгибались так, будто помнили лето и всё ещё тянулись к солнцу. Снег лежал не ровно, а лёгкими волнами, и каждая снежинка, кружась, на секунду задерживалась в воздухе, будто хотела что-то сказать, прежде чем упасть.

Лира остановилась у кованой ограды, где металл переплетался с узорами из теней. Она ещё не успела ни с кем познакомиться — другие студенты собирались небольшими группами, перешёптывались, показывали друг другу тонкие папки с полупрозрачными листами, смеялись над чем-то, что ей пока было недоступно. Она чувствовала себя здесь чужой — не потому, что её не звали, а потому, что все её мысли были заняты другим.

В голове снова и снова всплывали глаза Каэла — тот самый взгляд, когда он сказал: «Я найду тебя». И теперь, глядя на снежинки, Лира думала не о холоде, а о полёте. О том, как они кружатся, не подчиняясь ветру, а будто выбирая свой путь. Ей казалось, что если присмотреться, можно увидеть в их танце ту самую линию, которая связывала её и Каэла — тонкую, почти невидимую, но упрямую, как обещание.

— Лира? — голос прозвучал чуть сбоку, не резко, а так, будто человек боялся спугнуть её, как птицу. Рядом стояла невысокая девушка с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок, и в руках держала папку, на обложке которой мерцали крошечные символы, похожие на созвездия. — Ты ведь из нового набора? Я видела тебя в зале. Ты стояла у скамьи… будто пол не хотел тебя отпускать.

Лира чуть улыбнулась — не потому, что хотела, а потому что улыбка сама нашла дорогу сквозь напряжение.

— Да, — тихо сказала она. — Я… ещё не очень понимаю, как тут всё устроено.

Девушка кивнула, будто это было самым обычным признанием в мире.

— Тут никто не понимает до третьего занятия, — спокойно сказала она. — Меня зовут Мира. Сегодня у нас планирование и интуитивная мысль. Говорят, это звучит как загадка, а на деле — просто учат видеть, где реальность начинает гнуться, и как это использовать. Или хотя бы не сломать.

Лира снова посмотрела на снег. Снежинки всё так же кружились, но теперь ей казалось, что они падают не сверху, а будто выныривают из воздуха — как воспоминания, которые не хотят оставаться в прошлом.

— А ты… — Мира чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, что стояло за ними, — ты думаешь о ком-то. Я вижу это по тому, как ты смотришь на снег. Будто ищешь в нём чей-то след.

Лира хотела отмахнуться, сказать, что это просто мысли, просто волнение перед занятием. Но вместо этого она вдруг призналась:

— Я думаю о том, как одно желание может стать дверью. И о том, что если эта дверь откроется, я не хочу, чтобы кто-то остался снаружи.

Мира не стала смеяться, не стала говорить «не переживай». Она просто кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— В Школе желания — это не просто эмоции, — тихо сказала она. — Это инструменты. Или ловушки. Зависит от того, умеешь ли ты их держать. На сегодняшнем занятии как раз этому и учат: не подавлять желание, а планировать его. Как маршрут. Как путь через лабиринт, где стены могут сдвинуться в любой момент.

Она протянула Лире тонкую карточку — не обычную, а с серебряной каймой и едва заметными линиями, похожими на карту.

— Вот твой маршрут на сегодня, — сказала она. — Сначала — наблюдение. Ты будешь смотреть на снег и учиться видеть не просто снежинки, а их порядок. Потом — интуиция: тебе дадут задачу, которую нельзя решить логикой. И в конце — планирование: ты должна будешь записать, как бы ты повела своё желание, если бы знала, что оно откроет дверь. Не куда-то, а в нужное место.

Лира взяла карточку, чувствуя, как металл чуть холодит пальцы. Линии на ней начали медленно светиться, складываясь в узор, который она уже видела — в библиотеке, в книге с договором. Это был тот же самый рисунок: тонкая сеть, соединяющая точки.

— Это… — прошептала она, — это похоже на…

— На то, что ты уже встречала, — спокойно закончила Мира. — В Школе ничего не бывает случайно. Если узор повторяется — значит, он хочет, чтобы ты его заметила.

Они пошли по заснеженной дорожке, мимо роз, чьи лепестки теперь казались не цветами, а застывшими воспоминаниями. Лира старалась не смотреть по сторонам слишком долго — боялась, что если задержится взглядом на чём-то одном, реальность снова начнёт гнуться. Но когда они подошли к небольшой площадке, окружённой низкими каменными столбиками, она всё-таки остановилась.

Там, на снегу, была едва заметная линия — не след, а будто трещина в воздухе. Она шла от одного столбика к другому, и над ней снежинки кружились плотнее, образуя крошечный вихрь. Лира протянула руку, не касаясь, и почувствовала, как воздух дрогнул — не от холода, а от напряжения, как перед грозой.

— Это точка перехода, — тихо сказала Мира, стоя рядом. — Не активная. Пока. Но если ты будешь здесь стоять и думать о том, кого хочешь найти… она может проснуться. Поэтому на занятиях по интуитивной мысли нас учат сначала планировать. Чтобы желание не стало ключом, который открывает все двери подряд.

Лира глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух царапает горло, но проясняет мысли. Она вспомнила слова Каэла: «Учись видеть, где твоё желание становится слишком острым». И вспомнила, как Альтан смотрел на неё — не как на нарушительницу, а как на механизм, который нужно настроить.

— Тогда давай начнём с планирования, — твёрдо сказала она, глядя на карточку, где линии теперь горели ярче. — Пусть моё желание будет не дверью, а компасом. Пусть оно показывает направление, а не ломает стены.

Мира чуть улыбнулась — не широко, а так, будто увидела что-то правильное.

— Хороший подход, — сказала она. — И знаешь, что ещё? В Школе редко бывает, что кто-то приходит сюда один. Даже если кажется, что ты совсем одна — кто-то всегда идёт рядом. Просто ты ещё не видишь его тени.

И они начали. Сначала — просто смотреть на снег, учиться видеть в хаосе кружащихся снежинок порядок. Потом — слушать тишину, пытаясь услышать в ней не пустоту, а намёк на следующий шаг. И наконец — записывать свои мысли, не как эмоции, а как маршрут: «Если я хочу найти Каэла, я пойду туда, где тени длиннее. Если я хочу удержать реальность, я буду держаться за детали — за узор на камне, за изгиб розы, за холод на пальцах».

Когда занятие подошло к концу, Лира стояла у ограды, глядя, как последние снежинки опускаются на розы. Они больше не казались ей просто снегом. Теперь они были письмами — крошечными, без слов, но полными смысла. И она вдруг поняла: даже если Каэл сейчас на другом конце замка, даже если Альтан проверяет каждый их шаг, даже если договор всё ещё ждёт своего часа — она не одна. Её желание было не ошибкой. Оно было силой. И теперь она училась этой силой управлять.

А потом, когда студенты начали расходиться, Лира заметила на соседнем столбике тонкую полоску света — такую же, как на двери в библиотеке. Она не пульсировала, не звала. Она

просто была. Как напоминание: двери открыты. Но входить нужно с планом. И с открытыми глазами.

Они отошли от площадки с каменными столбиками, где воздух всё ещё дрожал от упражнения, и свернули на узкую дорожку, ведущую к оранжерее. Здесь снег лежал тоньше, будто солнце, даже зимнее, цеплялось за эти стены чуть дольше. Кустовые розы по краю дорожки стояли, укутанные инеем, но в их изгибах всё равно чувствовалась упрямая жизнь — как будто они знали что-то, чего не знали люди.

Мира шла рядом, не торопясь, и время от времени касалась пальцами каменной кладки, будто проверяла, тёплый ли камень или уже остыл. Лира шла чуть медленнее, всё ещё прислушиваясь к себе — к тому странному ощущению, когда тишина перестаёт быть пустой и начинает звенеть от смыслов.

— Ну, — Мира чуть наклонила голову, поглядывая на Лиру сбоку, — как тебе первый урок по интуитивной мысли? Обычно после него либо хочется смеяться, либо плакать. Либо и то, и другое сразу.

Лира тихо усмехнулась, и это было не натянуто, а искренне — будто напряжение, копившееся с утра, наконец нашло выход в коротком смешке.

— Я думала, интуиция — это когда просто чувствуешь, — призналась она. — А оказалось, это когда ты одновременно чувствуешь и следишь, чтобы чувство не стало штормом.

Мира кивнула, будто услышала именно то, что хотела.

— Вот именно, — спокойно сказала она. — В Школе интуицию не считают «шестым чувством», которое приходит вместо ума. Её считают… компасом, который работает только тогда, когда ты знаешь, куда идёшь. Сегодня мы тренировались не «слышать» тишину, а слышать в ней направление. Видишь разницу?

Лира задумалась, вспоминая, как смотрела на снежинки и пыталась найти в их кружении не случайность, а ритм.

— Да, — медленно произнесла она. — Раньше я бы просто стояла и ждала, что мне что-то откроется. А сегодня… я пыталась сама задать вопрос тишине. И тишина… не ответила словами. Но узор на снегу чуть изменился. Как будто она сказала: «Я тебя слышу».

Мира улыбнулась — не широко, а так, будто эта фраза была маленьким, но настоящим достижением.

— Это и есть первый секрет интуиции, — тихо сказала она. — Она не даёт готовых ответов. Она даёт отклик. Если реальность чуть сдвигается, когда ты о чём-то думаешь — значит, ты на верном пути. Или на очень опасном. Тут уж как повезёт.

Они остановились у стеклянной двери оранжереи, где на раме вился тонкий узор из инея, похожий на карту незнакомых дорог. Мира провела пальцем по стеклу, и иней под её прикосновением на секунду потемнел, будто запоминал тепло.

— Второй секрет, — добавила она, чуть понизив голос, будто даже стены могли подслушать, — интуиция работает только тогда, когда ты не врёшь себе. Если ты хочешь увидеть Каэла — не говори «я просто думаю о сне». Скажи прямо: «Я хочу его найти». И тогда Школа покажет тебе не иллюзию, а след. Но будь готова, что этот след приведёт не туда, где тебе хочется быть, а туда, где ты должна быть.

Лира сжала пальцы в кулаки, а потом снова разжала — уже спокойнее, без прежней дрожи.

— А если… — она запнулась, подбирая слова, чтобы не выдать слишком много, — если твоё желание уже стало дверью? Если оно уже меняет реальность?

Мира не стала делать вид, что не понимает, о чём речь. Она просто посмотрела на Лиру — прямо, без осуждения, но и без поблажек.

— Тогда ты учишься не закрывать дверь, — спокойно сказала она. — Ты учишься ставить рядом с ней табличку: «Только по делу. Только до заката. Только тем, кто знает пароль». В Школе желания не запрещают. Их… каталогизируют. И превращают в проекты.

Она достала из папки тонкую карточку — не такую, как утренняя, а с тёмно-синей каймой и крошечным символом в углу: переплетённые линия и стрелка.

— Это твоё задание на следующую неделю, — сказала она, протягивая карточку. — Новый проект. Тема: «Как удержать дверь открытой и не впустить сквозняк». Тебе нужно будет спланировать три точки, где твоё желание может стать слишком сильным, и для каждой придумать «якорь» — действие, слово, предмет, который вернёт тебя в реальность. Не отменит желание. Просто удержит его в границах.

Лира взяла карточку, чувствуя, как металл чуть холодит пальцы. Символ на углу вдруг слабо вспыхнул — не ярко, а так, будто кивнул: «Я вижу твой план».

— Звучит… сложно, — тихо призналась Лира. — Как будто мне нужно любить что-то и одновременно держать его на поводке.

Мира чуть склонила голову, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти сестринское.

— Любовь не обязана быть хаосом, — мягко сказала она. — Иногда она — это умение сказать: «Я не отпущу, но я не задушу». В Школе именно этому и учат. Не магии. А ответственности за то, что ты можешь менять мир одним своим «хочу».

Она чуть подтолкнула Лиру к двери оранжереи — не сильно, а просто давая понять, что пора двигаться дальше.

— Пойдём, — сказала она. — Внутри теплее, и там есть старые альбомы с узорами теней. Я покажу тебе несколько якорей, которые используют старшие курсы. Может, какой-то подойдёт и тебе. А ещё… — она чуть запнулась, будто решая, говорить или нет, — там есть окно, выходящее на тот коридор, где иногда проходят занятия регистраторов. Если очень повезёт… можно будет увидеть тень кого-то знакомого. Не самого человека. Но его след. Этого иногда хватает, чтобы понять: ты не одна.

Лира кивнула, чувствуя, как внутри что-то встаёт на место — не окончательно, но достаточно, чтобы сделать следующий шаг без страха.

— Спасибо, — тихо сказала она, и в этом «спасибо» было больше, чем просто вежливость. — За то, что не говоришь «не переживай» и не делаешь вид, что это просто урок.

Мира улыбнулась чуть шире, и на секунду в ней проступило что-то очень простое и очень человеческое — не студентка Школы, а просто девушка, которая помнит, каково это — стоять на пороге и не знать, куда ставить ногу.

— Пожалуйста, — просто сказала она. — Я тоже когда-то стояла там, где стоишь ты. И мне повезло, что кто-то не стал меня успокаивать. Он просто сказал: «Держи глаза открытыми. И не бойся замечать, где реальность гнётся. Потому что именно там она и живёт».

И они вошли в оранжерею — туда, где пахло влажной землёй, воском и чем-то неуловимо тёплым, как обещание, что даже в самом строгом месте можно найти уголок, где тебя поймут.

Высокие своды терялись в полумраке, и казалось, что стекло здесь не столько пропускает свет, сколько удерживает его, не давая сбежать. Узкие витражи под самым потолком отбрасывали на пол цветные пятна — не яркие, а приглушённые, будто выцветшие от времени: тёмно-бордовые, изумрудно-зелёные, цвета старого золота.

Вдоль стен тянулись стеллажи с горшками, но росли в них не обычные растения, а странные, будто сошедшие со страниц запрещённых трактатов: лианы с листьями, похожими на пергаментные страницы; цветы, чьи лепестки складывались в едва читаемые символы; колючие кусты, чьи шипы отбрасывали тени, напоминающие строчки стихов. Между стеллажами висели тяжёлые бархатные шторы тёмно-зелёного цвета — не для красоты, а чтобы отсекать лишние потоки энергии, когда занятия становились слишком… живыми.

А в центре, в тех немногих местах, где свет всё-таки пробивался сквозь витражи, стояли мольберты. Но студенты рисовали не пейзажи и не натюрморты. Они рисовали идеи.

На холстах вспыхивали схемы: круги, пересечённые линиями, вихри, уходящие в точку, силуэты теней, которые будто пытались вырваться из-под кисти. Кто-то смешивал краски не на палитре, а прямо на холсте, добавляя в них щепотку сушёных трав — говорят, так цвет становился «мыслью», а не просто пигментом. Кто-то не рисовал вовсе, а выцарапывал линии на тёмной бумаге, будто хотел добраться до чего-то, что лежало под поверхностью.

Преподаватель стояла у высокого окна, скрестив руки и чуть наклонив голову. Её рыжие волосы были собраны в небрежный узел, но отдельные пряди всё равно выбивались, падая на лицо, и в свете витражей казались языками пламени. Веснушки на её коже были не просто пятнышками — они складывались в странный узор, будто кто-то когда-то записал на её лице важную формулу и теперь она просто носила её с собой. На ней был длинный сюртук тёмно-синего цвета, расшитый серебряными нитями, которые на сгибах поблёскивали, как тонкие молнии.

— Практическая философия, — произнесла она, и голос её звучал не громко, но так, что его слышали все, даже те, кто стоял в самых тёмных углах, — это не про то, чтобы красиво рассуждать о смысле жизни. Это про то, чтобы понимать, как твои мысли меняют реальность. Как твоё «я думаю» становится «я делаю», а потом — «мир меняется».

Она медленно пошла между мольбертами, не глядя на холсты, а будто прислушиваясь к воздуху рядом с ними.

— Сегодня мы работаем с концепцией «затенения», — продолжала она, останавливаясь у мольберта, где студент пытался нарисовать… пустоту. — Затенение — это не про тени на картине. Это про то, как ты убираешь лишнее, чтобы проявилось главное. В философии это называется «отсечь шум». В магии — «создать вакуум для истины». В жизни — «не дать своим страхам нарисовать за тебя будущее».

Мира, стоявшая рядом с Лирой, чуть наклонилась и тихо пояснила:

— Лоу не любит, когда рисуют «как красиво». Она любит, когда рисуют «как правильно». Для неё картина — это схема мысли. Если ты не можешь объяснить, почему эта линия здесь, значит, ты просто водил кистью. А нам нужно, чтобы кисть думала.

Лоу остановилась напротив Лиры и чуть склонила голову, будто рассматривала не девушку, а пространство вокруг неё — то, как тени ложились на её плечи, как свет цеплялся за кончики волос.

— Ты новенькая, — спокойно сказала она, и это не было вопросом. — И у тебя в воздухе… слишком много незакрытых линий. Они тянутся в разные стороны, будто ты хочешь быть в десяти местах одновременно. Это опасно. Это как держать в руках оголённый провод и надеяться, что не ударит.

Лира хотела сказать, что она просто пытается всё удержать, но Лоу подняла руку, останавливая слова до того, как они были произнесены.

— Не оправдывайся, — мягко, но твёрдо сказала она. — Оправдания — это тоже линии. Они тоже тянут энергию. Вместо этого возьми мольберт. Возьми холст. И нарисуй не то, что ты чувствуешь. Нарисуй то, что ты хочешь удержать. Одно желание. Один якорь. Пусть это будет просто круг. Или линия. Или точка. Но пусть она будет такой, чтобы ты могла сказать: «Это моё. Это я держу».

Лира подошла к свободному мольберту, чувствуя, как пальцы чуть дрожат — не от холода, а от напряжения. Холст был тёмно-серым, почти чёрным, и на нём любая линия становилась заметной сразу. Она взяла уголь, провела первую черту — неуверенно, робко. Потом вторую. И вдруг поняла: она рисует не абстракцию. Она рисует тот самый узор, который видела на карточке, на футляре, на двери в библиотеке. Тонкая сеть, соединяющая точки.

Но на этот раз она не пыталась сделать его идеальным. Она рисовала его с неровностями, с разрывами, с местами, где линия дрожала. И в одном из разрывов она поставила точку — не просто точку, а маленькую, но чёткую, будто сказала: «Здесь я стою. Здесь я не отпущу».

Лоу подошла сзади, не заглядывая через плечо, а будто чувствуя рисунок спиной.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Ты не стала прятать дрожь. Ты сделала её частью узора. Это и есть практическая философия: не убирать несовершенство, а использовать его как опору. Потому что реальность держится не на идеальных линиях. Она держится на тех местах, где ты сказала: «Я здесь. Я вижу трещину. И я её держу».

Мира улыбнулась, глядя на рисунок, и тихо шепнула:

— Твой якорь. Он не отменяет желание. Он просто говорит: «Не сейчас. Не всем. Только тому, кто достоин».

Лира посмотрела на свой холст — и вдруг увидела, что точка, которую она нарисовала, слабо светится. Не ярко, а так, будто внутри неё зажгли крошечный фонарь. И тени вокруг этой точки не тянулись наружу, а будто… опирались на неё. Как будто рисунок начал работать.

Лоу кивнула, будто увидела то же самое, и повернулась к группе:

— Запомните: философия становится практикой в тот момент, когда ты перестаёшь спрашивать «почему» и начинаешь спрашивать «как». И когда ты понимаешь, что твой страх, твоё желание, твоя надежда — это не помехи на пути. Это сам путь. И если ты умеешь их рисовать, значит, умеешь ими управлять.

Занятие шло дальше, и воздух в оранжерее становился всё гуще — не от дыма, а от мыслей, которые обретали форму. Где-то в углу студент пытался нарисовать тишину, и его холст становился всё темнее, пока не поглотил почти весь свет. Рядом девушка выводила на бумаге спираль, и каждый виток её становился чуть ярче, будто ловил мысль до того, как она успевала улететь.

Лира смотрела на свой рисунок и чувствовала, как внутри что-то успокаивается — не исчезает, а встаёт на своё место. Её желание всё ещё было там, горячее и живое. Но теперь у него была форма. Был якорь. Была линия, за которую она держалась.

И когда занятие подошло к концу, и студенты начали убирать кисти и палитры, Лира не стала стирать свой рисунок. Она просто накрыла холст тонкой тканью — не чтобы спрятать, а чтобы защитить. Чтобы он остался таким, каким был в момент создания: честным, неровным, но настоящим.

Когда последние студенты потянулись к выходу, шурша папками и тихо переговариваясь, оранжерея будто выдохнула — тяжёлый, насыщенный мыслями воздух чуть рассеялся, но не исчез. Витражи теперь отбрасывали на пол не цветные пятна, а тонкие, острые линии, похожие на стрелки компаса.

Мира задержалась у мольберта Лиры, осторожно приподняла край ткани, которой Лира накрыла холст, и чуть наклонила голову, вглядываясь в узор. В её глазах отразился тёмно-бордовый отсвет стекла, и на секунду она показалась не просто студенткой, а кем-то, кто знает цену каждой линии.

— Знаешь, — тихо сказала она, не отводя взгляда от рисунка, — в проекте «Как удержать дверь открытой» самое сложное — это не придумать якорь. Самое сложное — сделать так, чтобы он сработал в нужный момент. Чтобы ты не вспоминала о нём, когда всё спокойно, а он сам щёлкал в голове, когда реальность начинает гнуться.

Лира сжала пальцы на краю мольберта, чувствуя, как дерево врезается в кожу — эта маленькая боль помогала держаться в настоящем.

— А как это сделать? — спросила она, не пытаясь казаться храбрее, чем была. — Как заставить точку… работать?

Мира улыбнулась — не весело, а так, будто делилась секретом, который когда-то спас её саму.

— В Школе якоря не носят в голове. Их носят в руках. Или в привычках. Смотри: твой узор — это карта. А точка — это место, где ты стоишь. Но карта бесполезна, если ты не знаешь, как по ней идти. Нам нужно превратить этот рисунок в действие. В ритуал.

Она достала из кармана тонкую полоску тёмной ткани — не шёлк, не бархат, а что-то грубое, будто сотканное из теней и нитей времени.

— Это для тебя, — сказала она, протягивая ткань. — Не амулет. Просто маркер. Когда ты чувствуешь, что желание становится слишком сильным, когда тени начинают шептать громче, чем ты можешь вынести, ты берёшь эту ткань. И делаешь с ней одно простое действие: складываешь ровно пополам. Один раз. Чётко. Без спешки.

Лира взяла ткань, ощущая её тяжесть — она была холоднее, чем должна быть, и пахла не пылью, а чем-то острым, как запах грозы перед дождём.

— И что это даст? — прошептала она, боясь поверить, что такое простое движение может что-то изменить.

— Оно даёт тебе секунду, — спокойно ответила Мира. — Секунду, когда твои руки заняты делом, а не страхом. В эту секунду ты не борешься с желанием. Ты просто говоришь ему: «Сейчас не время». И реальность слышит это «не время» — потому что оно сказано действием, а не словами.

Лира медленно сложила ткань пополам — ровно, как показали. Края совпали идеально, и в тот же миг точка на её рисунке слабо вспыхнула, будто кивнула: «Я здесь. Я жду».

— Видишь? — тихо сказала Мира. — Якорь отзывается. Он не гасит огонь. Он просто держит его в чаше, чтобы он не поджёг всё вокруг.

Лира подняла глаза, чувствуя, как внутри что-то встаёт на место — не окончательно, но достаточно, чтобы дышать спокойнее.

— Но как… как я пойму, что момент настал? Что это не просто волнение, а реальность действительно начинает гнуться?

Мира чуть склонила голову, и в её взгляде мелькнуло что-то очень серьёзное.

— Ты почувствуешь это не сердцем, — сказала она. — Ты почувствуешь это глазами. В Школе есть признаки. Тени становятся длиннее, чем должны быть. Свет начинает дрожать, как над горячей плитой. Снежинки падают не вниз, а вбок — будто их тянет сквозняк из другой реальности. И… — она чуть запнулась, будто решая, говорить ли дальше, — и ты начинаешь видеть повторения. Одну и ту же фразу на разных страницах. Один и тот же узор на разных стенах. Это значит, что реальность устала держать форму. И вот тогда… ты складываешь ткань. Один раз. Ровно. И говоришь себе: «Я стою здесь. Я держу линию».

Лира кивнула, пряча ткань в карман. Она не чувствовала себя готовой. Но она чувствовала себя вооружённой — не мечом, а маленьким, но надёжным инструментом.

— А если… — тихо начала она, и голос чуть дрогнул, но она не дала ему сломаться, — если в этот момент мне нужно будет не просто удержаться, а найти кого-то? Например, Каэла? Сможет ли якорь… помочь мне его увидеть?

Мира посмотрела на неё долго, будто взвешивая, стоит ли давать надежду или лучше предупредить об опасности.

— Якорь не зовёт, — наконец сказала она. — Он удерживает. Но… он может сделать так, что зов будет слышен чище. Представь: ты стоишь на берегу, и ветер рвёт твой голос. Якорь — это стена, которую ты ставишь за спиной. Ветер всё ещё дует, но теперь он не уносит твои слова. Он направляет их. Если Каэл ищет тебя, если он тоже держит свою линию… он услышит.

Лира глубоко вдохнула, чувствуя, как тяжёлый воздух оранжереи наполняет лёгкие — не давит, а даёт силу.

— Тогда я включу это в проект, — твёрдо сказала она, глядя на свой рисунок. — Пусть это будет первый пункт: «Якорь — действие». И пусть в описании будет не просто «сложить ткань», а «сложить ткань и сказать себе: я стою здесь». Пусть это будет записано как правило, а не как совет.

Мира улыбнулась шире, и в этой улыбке было что-то почти гордое.

— Вот это и есть практическая философия, — тихо сказала она. — Превращать страх в инструкцию. Из хаоса делать маршрут. Лоу это оценит. Она любит, когда студенты не просто чувствуют, а знают, как действовать.

Они отошли от мольберта, и Лира в последний раз оглянулась на свой рисунок. Точка на холсте теперь светилась чуть ярче, будто знала, что её превратили в план.

— Пойдём, — сказала Мира, направляясь к выходу. — Нужно успеть записать всё это до отбоя. И… может быть, по дороге ты увидишь какой-то знак. Не пугайся, если увидишь. Иногда Школа сама подкидывает детали, чтобы проверить, сможешь ли ты их использовать.

Они вышли из оранжереи, и холодный воздух сада встретил их не тишиной, а шёпотом — не слов, а смыслов. Кустовые розы всё так же стояли под пушистым снегом, но теперь Лира смотрела на них не как на цветы, а как на стражей: их колючие ветви сплетались в узоры, похожие на линии её рисунка.

И вдруг, между двумя кустами, там, где тени ложились особенно густо, она заметила что-то странное. На каменной дорожке лежала не снежинка, а крошечный кусочек ткани — точно такой же, как тот, что дала ей Мира. Он лежал не случайно, а будто был положен чьей-то рукой — ровно, аккуратно, как приглашение.

Лира остановилась, чувствуя, как сердце делает лишний удар. Но на этот раз это был не страх. Это было узнавание.

— Видела? — тихо спросила Мира, не оборачиваясь, но будто зная, что Лира смотрит туда. — Это не совпадение. Это… отклик. Школа говорит: «Твой якорь принят. Теперь действуй».

Лира наклонилась, подняла кусочек ткани и положила его рядом с тем, что был в кармане. Два одинаковых куска. Два якоря.

— Я поняла, — тихо сказала она, сжимая ткань пальцами. — Я не буду ждать, пока реальность сломается. Я буду держать линию. Каждый раз, когда почувствую, что ветер становится слишком сильным.

Мира кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Именно так, — сказала она. — И знаешь, что самое важное? Ты не обязана делать это одна. У тебя есть проект. У тебя есть план. И у тебя есть… — она чуть улыбнулась, — ну, скажем так, у тебя есть люди, которые знают, как держать линию, когда она начинает рваться.

Они пошли по дорожке, мимо роз, мимо теней, которые теперь не казались враждебными, а будто кивали: «Мы видим, что ты учишься». Снег хрустел под ногами, и каждый шаг звучал не как случайный звук, а как часть ритма — ритма, который Лира теперь пыталась услышать и удержать.

Мира махнула Лире на прощание — мол, увидимся позже, у девчонок из третьего потока сегодня какой-то срочный сбор у фонтана, — и растворилась в толпе, оставив Лиру одну стоять у выхода из оранжереи. Лира не обиделась — в Школе все вечно куда-то бегут, будто время здесь течёт быстрее, чем положено. Просто на секунду стало чуть тише, и эта тишина вдруг стала звенеть от всех слов, которые Лира не успела сказать.

Она пошла не спеша, сама не зная куда — просто туда, где воздух был не таким густым от мыслей. Парк возле школы встречал её сумерками: они не падали резко, а стелились по дорожкам, как дым от погасших свечей. Кустовые розы теперь казались чёрными силуэтами с серебряными краями — будто кто-то обвёл их тонкой линией, чтобы они не потерялись в темноте. Снег больше не кружился, а лежал спокойно, впитывая в себя угасающий свет.

В шумном школьном дворике всё было как всегда: кто-то смеялся слишком громко, кто-то спорил о чём-то важном, кто-то пытался зажечь маленький огонёк прямо на ладони — не ради магии, а ради того, чтобы на секунду стать центром внимания. Лира остановилась у невысокой каменной ограды, положила на неё ладони и почувствовала, как холод камня медленно забирается под кожу — не неприятно, а как напоминание: «Ты здесь. Ты настоящая».

И вдруг среди всех голосов, среди смеха и споров, она увидела его.

Каэл стоял чуть в стороне от основной толпы, у старого фонаря, чей свет не столько освещал, сколько подчёркивал тени. Он держал в руках тонкую папку — ту самую, с которой ходил на занятия регистраторов, — и время от времени что-то помечал на полях, но делал это рассеянно, будто мысли его были не в записях, а где-то совсем в другом месте. Его волосы чуть растрепались от ветра, и он то и дело проводил по ним рукой — тот самый жест, который Лира уже начинала узнавать.

Их взгляды встретились не сразу. Сначала Лира заметила его краем глаза, потом заставила себя посмотреть прямо. И в тот момент, когда их глаза наконец совпали, весь шум дворика будто чуть приглушился — не исчез, но стал фоном, на котором стало слышно главное.

Каэл замер. Папка чуть дрогнула в его руках, и он тут же прижал её крепче, будто она могла выдать, насколько он не готов к этой встрече. Лира сжала пальцы на ограде, чувствуя, как камень врезается в кожу, и вдруг поняла, что не знает, с чего начать. «Привет» звучало слишком обычно. «Я думала о тебе» — слишком откровенно. А «мы связаны договором» — вообще не для шумного дворика.

Они оба сделали шаг вперёд — одновременно, неловко, будто кто-то толкнул их друг к другу. И оба тут же остановились, будто испугались собственной смелости.

— Ты… — начала Лира, и голос чуть дрогнул, потому что она вдруг поняла, как сильно хотела его увидеть. — Ты не на занятиях?

Каэл чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что стояло за ними.

— Занятия закончились, — тихо сказал он, будто боялся, что если скажет громче, кто-то чужой услышит. — А я… я шёл сюда, потому что тут светлее. Или… потому что тут бывает шумно. А шум помогает не слышать собственные мысли.

Лира чуть улыбнулась — не широко, а так, будто улыбка была слишком хрупкой, чтобы раскрывать её целиком.

— А я думала, что шум мешает думать, — сказала она, и сама удивилась, как глупо это прозвучало. Но Каэл не улыбнулся насмешливо. Он улыбнулся в ответ — так же осторожно, будто боялся спугнуть этот момент.

— Иногда, — тихо сказал он, — шум нужен, чтобы спрятать то, что ты на самом деле хочешь сказать.

Они стояли друг напротив друга, не слишком близко, но и не далеко — ровно на расстоянии одного шага, который никто из них не решался сделать. Между ними витал запах снега, старого камня и чего-то неуловимо знакомого — как запах дома, который помнишь с детства.

— Я… — снова начала Лира и запнулась, потому что слова вдруг показались слишком тяжёлыми для этого хрупкого момента. — Я сделала якорь. Ну, то есть… не просто сделала, а поняла, как его использовать. И… я хотела, чтобы ты знал. Не потому что это важно для Школы. А потому что… это важно для меня.

Каэл медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти нежное, но твёрдое, как сталь.

— Это хорошо, — тихо сказал он. — Очень хорошо. Значит, ты учишься держать линию. А я… — он чуть запнулся, будто подбирал слова, которые не должны были звучать слишком громко, — я учусь её удерживать. С другой стороны.

Лира хотела спросить, тяжело ли ему, страшно ли, не устал ли он держать эту невидимую стену. Но она не спросила. Потому что в его взгляде уже был ответ: тяжело, но он не отступит.

— Знаешь, — вдруг сказала она, и голос её прозвучал чуть твёрже, будто она нашла ту самую точку опоры, — когда я складываю ткань… ту, что мне дала Мира… я думаю о тебе. Не как о Хранителе. А как о человеке, который помнит, как свет падает на мои волосы и делает их золотыми.

Каэл на секунду закрыл глаза — не от боли, а будто чтобы запомнить эти слова, чтобы они не растворились в шуме дворика. Когда он снова открыл их, в них было столько тепла, что Лире вдруг стало не холодно, несмотря на сумерки.

— Тогда пусть это и будет твоим якорем, — тихо сказал он. — Не слово. Не действие. А эта мысль. Потому что она настоящая. И я… я буду помнить её тоже. Каждый раз, когда стены начнут гнуться.

Они улыбнулись друг другу — не весело, не беззаботно, а так, будто в этой улыбке пряталось обещание: мы справимся. Мы не позволим реальности рассыпаться.

Но прежде чем они успели сказать что-то ещё, прежде чем кто-то из них решился сделать тот самый шаг, мимо них пронеслась стайка студентов — смеясь, толкаясь, задевая плечами, и этот маленький вихрь будто разорвал ту тонкую линию света, которая соединяла их.

Каэл чуть отступил назад, будто сам себе запретил подходить ближе. Лира тоже сделала шаг в сторону, будто вспомнила, что она здесь не одна, и что есть правила, которые лучше не нарушать.

— Мне… — начал Каэл, и голос его прозвучал чуть хрипло, будто ему было трудно говорить после тишины. — Мне нужно отнести папку. И… проверить один сектор. Но я найду тебя. Обязательно.

Лира кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается от желания сказать «не уходи», но она не сказала. Вместо этого она просто улыбнулась — чуть шире, чуть увереннее.

— Найди, — тихо сказала она. —

Каэл ещё секунду смотрел на неё — так, будто хотел запомнить каждую черту её лица, каждую прядь волос, каждый отблеск в её глазах. Потом чуть наклонил голову — тот самый жест, который означал «я услышал» — и пошёл прочь, растворяясь в сумерках, оставляя после себя только лёгкий след холода и ощущение, что он обязательно вернётся.

Лира стояла и смотрела ему вслед, пока его фигура не слилась с тенями. И только когда он исчез из виду, она достала из кармана полоску ткани, которую дала ей Мира, и медленно, очень аккуратно сложила её пополам — ровно, без спешки. Один раз. Чётко.

Точка внутри неё — та самая, что держала линию, — чуть вспыхнула, подтверждая: якорь работает. Линия не порвалась. Она просто стала чуть длиннее, протянувшись через весь парк, через все тени, прямо к нему.

Сумерки становились всё гуще, но Лира больше не чувствовала себя одинокой. Она знала: где-то там, в другом конце замка, Каэл тоже держит свою линию. И пока они оба помнят об этом, пока они оба знают, что ищут друг друга — реальность не сможет их разделить.

III

Смеркалось. Сумерки в Школе не были просто концом дня — они были отдельным состоянием, почти живым. Они стекали по коридорам, как густой сироп, приглушали резкие голоса, сглаживали углы и делали тени чуть более разговорчивыми. В комнате Лиры становилось особенно тихо — та тишина, которая не давит, а обнимает.

Лира сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, а между ними — гитара. Не новая, не блестящая, а с потёртой декой и чуть потемневшими ладами — будто инструмент уже успел прожить одну жизнь до неё. Она не играла ничего известного, ничего из учебников или баллад, которые пели у костров. Она играла своё — неровное, сбивчивое, но настоящее. Пальцы

сами находили аккорды, которые подходили к тому, что творилось внутри: к волнению после встречи с Каэлом, к тяжести проекта, к тихому страху, что она всё делает не так, и к упрямой надежде, что делает именно так, как нужно.

Звуки не стремились быть громкими. Они были осторожными, будто Лира боялась спугнуть сумерки. Но сумерки не пугались. Они ловили каждую ноту и бережно укладывали её в воздух, делая комнату похожей на шкатулку, где хранится не золото, а воспоминания.

Скрипнула дверь — не резко, а так, будто сначала постучали, а потом передумали и решили просто войти. Лира подняла глаза.

На пороге стояла девушка с чёрными, как вороново крыло, волосами. Они не были гладкими — в них чувствовалась упрямая волна, которая отказывалась лежать ровно, и отдельные пряди падали на лицо, скрывая один глаз, но не пряча улыбку. В руках она держала два чемодана — один большой, второй маленький, будто для чего-то очень важного, что нельзя класть вместе с остальным.

— Прости, — тихо сказала она, будто боялась, что её голос сломает музыку. — Я не хотела мешать. Просто… ключ долго не хотел поворачиваться. Он всегда так делает в первый день. Будто комната проверяет: а точно ли ты сюда должна попасть?

Лира медленно опустила гитару, положив её на колени, как что-то живое, что нужно успокоить.

— Ничего, — так же тихо ответила она. — Я… просто пыталась привести мысли в порядок. Через пальцы.

Девушка улыбнулась шире, и в этой улыбке было столько тепла, что сумерки будто чуть отступили, давая ей место. Она поставила чемоданы и огляделась — не оценивающе, а с любопытством человека, который любит находить в обычных вещах маленькие чудеса.

— Меня зовут Элара, — сказала она, снимая шарф. — И я, кажется, буду твоей соседкой. Если, конечно, ты не против делить комнату с тем, кто иногда поёт в душе не в такт и забывает, где оставила ботинки.

Лира улыбнулась — впервые за день по-настоящему, без напряжения.

— Я Лира, — сказала она. — И… я не против. Честно. Здесь… слишком много тишины. Иногда кажется, что она начинает говорить сама с собой. А ещё один голос — это уже не тишина. Это компания.

Элара кивнула, будто поняла это без объяснений. Она подошла к своей кровати — та стояла у противоположной стены, ближе к окну, — и начала разбирать вещи. Но делала это не спеша, будто тоже чувствовала, что спешить в этой комнате нельзя.

— Знаешь, — вдруг сказала она, не оборачиваясь, — в моей семье говорят, что гитара — это способ сказать то, чего не можешь сказать словами. Особенно когда слова путаются и падают не туда. Ты поэтому играешь?

Лира чуть наклонила голову, прислушиваясь не к вопросу, а к тому, как он лёг в комнату.

— Наверное, да, — призналась она. — Сегодня было много слов, которые я хотела сказать… и ни одно не подходило. А пальцы нашли.

Элара достала из чемодана маленькую вещь — не игрушку, не украшение, а что-то вроде плоского камешка с выцарапанным узором. Она положила его на тумбочку, будто ставила точку: «Я здесь. Я остаюсь».

— Тогда, если хочешь, — тихо предложила она, — можешь не рассказывать. Просто играй. А я посижу, посмотрю на этот узор на стене — он каждый вечер немного другой — и подумаю о том, что день закончился, а завтра будет новый. Или… если хочешь, можем поговорить. О чём-нибудь совсем не важном. О том, какой чай тут дают в столовой. Или о том, почему розы в саду всегда смотрят в одну сторону.

Лира снова взяла гитару, но на этот раз не для того, чтобы спрятать слова. А чтобы найти их. Она провела по струнам — не аккорд, а просто звук, чистый и ясный.

— Давай о розах, — тихо сказала она. — Мне кажется, они знают что-то, чего не знаем мы.

Элара села на край своей кровати, подтянула к себе подушку и устроилась так, будто собиралась слушать не просто историю, а секрет, который ей доверили.

— Ага, — кивнула она. — А ещё мне кажется, что они шепчут ветру, а ветер приносит эти шёпоты прямо в окна. И поэтому иногда, когда я не могу уснуть, я просто сижу и слушаю. И знаешь… иногда шёпот складывается в мелодию. Не сложную. Но свою.

Они улыбнулись друг другу — не широко, а так, будто только что договорились о чём-то важном, но пока не готовы были назвать это словами.

Лира начала играть снова — на этот раз чуть увереннее. А Элара достала из кармана маленький блокнот и начала рисовать в нём узоры — не картины, а линии, которые напоминали те самые шёпоты роз. Комната наполнялась не шумом, а жизнью — тихой, уютной, но настоящей.

И когда за окном окончательно стемнело, а фонари во дворе зажглись, отбрасывая на стены длинные, спокойные тени, Лира вдруг почувствовала, что она не одна. Не только потому, что рядом была Элара. А потому что теперь у её тишины появился собеседник. И это было почти так же важно, как знать, что где-то там, в другом конце замка, Каэл тоже держит свою линию.

Утро

Утро в Небесной канцелярии было не по-праздничному тихим. Каменные коридоры ещё хранили ночную прохладу, и каждый шаг отдавался в них гулким эхом, будто само здание напоминало: сегодня день особенный, не стоит спешить. Но в комнате Лиры и Элары спешили. Они кружились перед высоким, чуть потемневшим по краям зеркалом, расправляя складки новой формы, и смеялись над тем, как непривычно смотрятся белые шарфы с синими полосами — будто сама символика Канцелярии наконец признала их своими.

Короткие юбки в клеточку и строгие белые рубашки выглядели почти буднично, но тёмно-синие галстуки и тяжёлые мантии добавляли торжественности — и той самой таинственной строгости, которой славилась Канцелярия. Здесь ценили не только знания, но и умение носить знаки принадлежности с достоинством.

— Ты уверена, что эта чёлка не будет лезть в глаза на церемонии? — Лира прищурилась, разглядывая отражение Элары, и потянулась поправить выбившуюся прядь, но та увернулась с весёлым смешком.

— Зато теперь я выгляжу как человек, который точно знает, чего хочет, — парировала Элара, встряхивая свежеуложенным каре. — А если и будет лезть — значит, буду выглядеть загадочно.

В дверях появилась Мира, прижимая к груди стопку каких-то бумаг — видимо, последние конспекты, которые она никак не могла оставить без присмотра. Её взгляд скользнул по подругам, и на лице расплылась улыбка, в которой было столько облегчения, что сразу становилось ясно: ей было важно увидеть их именно такими — нарядными, взволнованными, вместе.

— Ну наконец-то! — выдохнула она, входя в комнату. — Я уже думала, что придётся тащить вас на церемонию силой. А вы тут устроили парад…

Лира тут же схватила её за руку и потянула к зеркалу.

— Никакого «тащить»! Мы фотографируемся. Это традиция: первый торжественный выход — только втроём.

Они встали плечом к плечу, стараясь уместить в кадре все детали: и складки мантий, и блеск пуговиц, и эти самые шарфы — символы того, что теперь они не просто девочки, мечтающие о небе, а ученицы Небесной канцелярии. Элара наклонилась чуть вперёд, чтобы

чёлка красиво легла на лоб, Мира рассмеялась и обняла обеих, а Лира, щёлкнув затвором камеры, вдруг замерла на секунду, ловя этот миг — не ради церемонии, не ради символов, а ради того, как тепло становится от простого ощущения: мы здесь, мы вместе, и даже самые строгие стены Канцелярии не могут этого отнять.

За окном первые лучи солнца коснулись витражей, окрашивая комнату в янтарно-синий свет — будто само утро благословляло их на этот шаг.

Дверь распахнулась с лёгким скрипом, и из комнаты вихрем вылетели девочки — смеялись, толкались, на ходу поправляли волосы и что-то быстро друг другу шептали. В коридоре сразу стало шумно: звонкий смех, шуршание юбок, торопливые шаги.

Навстречу им как раз шли Кеил, Марк и Артур. Они замерли на пару секунд, будто наткнулись на внезапный порыв ветра. Кеил даже чуть попятился, Марк неловко приподнял руку, будто хотел что-то сказать, но не успел, а Артур, самый быстрый на реакцию, расплылся в широкой улыбке и тут же вытащил телефон.

— Погодите, погодите! — воскликнул он, чуть подавшись вперёд. — Такой кадр нельзя упускать! Давайте я вас сфотографирую — прямо вот так, в этом вихре. Вы такие… живые!

Девочки притормозили, переглянулись, и смех стал тише, сменившись удивлёнными взглядами. Одна из них, та, что была чуть впереди, хитро прищурилась:

— А если мы скажем «нет»?

Артур на секунду растерялся, но тут же нашёлся:

— Тогда я просто запомню этот момент. Но лучше всё-таки фото. Ну пожалуйста!

Марк, наконец справившись с замешательством, поддержал:

— Да, правда. У тебя так здорово получается ловить такие штуки… Пусть будет снимок.

Кеил, всё ещё немного ошарашенный, просто кивнул и тихо добавил:

— Вы классные

Девочки переглянулись ещё раз — и дружно рассмеялись уже по-новому, легко и радостно.

— Ладно, — сказала та, что щурилась, — но только один кадр! И чтобы мы все влезли!

Артур радостно закивал, уже настраивая камеру, а Марк с Кеилом невольно заулыбались, глядя, как девочки начинают быстро перестраиваться в кадре, поправляя друг другу волосы и снова хихикая.

Кеил всё не сводил взгляда с Лиры — будто боялся, что если моргнёт, она просто исчезнет в этом бесконечном потоке людей. В его глазах застыло что-то такое, отчего у самого себя перехватывало дыхание: смесь восхищения, неловкости и странного, почти отчаянного желания удержать этот момент.

Марк это заметил — не мог не заметить. Он покосился на друга, потом снова на Лиру, потом опять на Кеила, который стоял, будто прирос к полу, и даже не моргал. Тогда Марк негромко хмыкнул и легонько толкнул его локтем — не грубо, а так, по-дружески, чтобы просто вернуть в реальность.

— Эй, — тихо сказал он, чуть наклонив голову

Кеил вздрогнул, будто его окатили ледяной водой, и наконец-то моргнул. Он резко повернул голову к Марку, на секунду будто не понимая, где он вообще находится, а потом щёки у него вспыхнули — не то от смущения, не то от того, что его поймали за этим бесстыдным разглядыванием.

— Да я… я просто… — начал он, запнулся и махнул рукой. — Ничего. Просто задумался.

Марк только усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — скорее тепло и понимание.

— Ага, конечно, — протянул он, но тут же сменил тон на более бодрый, будто нарочно хотел сгладить неловкость. — Слушай, а давай вечером после занятий на каток? Артур точно пойдёт, я его уже почти уговорил. А ты?

Кеил на секунду замер, взгляд снова метнулся туда, где только что стояла Лира. Но её уже не было — только толпа, которая колыхалась, как море, и уносила с собой все яркие детали.

— Я… — снова начал Кеил, и голос у него прозвучал чуть тише, чем хотелось бы. — Да, наверное. Если… если ничего не случится.

Но Марк уже не слушал его сомнений. Он чуть повысил голос, будто бросая вызов всей этой суете вокруг:

— А вы придёте? — крикнул он в сторону, где мелькнули знакомые силуэты девочек. — На каток! Вечером!

Девочки замерли на полушаге, переглянулись, и на их лицах тут же расцвели одинаковые хитрые улыбки. Та, что стояла ближе, пожала плечами, будто вопрос был самым нелепым на свете, и рассмеялась:

— Мы не знаем! Мы не знаем! — прокричала она, и тут же они обе сорвались с места, снова смеясь, толкаясь и на ходу оборачиваясь, чтобы ещё раз подмигнуть парням.

Они промчались мимо, оставив после себя только вихрь смеха и запах сладких духов, который на секунду повис в воздухе, а потом растворился в общем шуме коридора.

Лира бежала чуть позади, но перед тем, как окончательно скрыться в толпе, она всё-таки обернулась. Всего на мгновение — ровно настолько, чтобы встретиться взглядом с Кеилом. Она поправила выбившуюся прядь волос, будто это было самое важное дело в мире, и чуть приподняла уголки губ — не то в улыбке, не то в дразнящей полуулыбке. А потом — исчезла. Просто растворилась в потоке людей, будто её и не было.

Кеил остался стоять, всё ещё чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла. Он провёл ладонью по затылку, будто пытаясь стряхнуть это наваждение, и тихо выдохнул.

Марк, стоявший рядом, только хмыкнул и хлопнул его по плечу:

— Ну вот. Теперь точно пойдёшь. Потому что если не пойдёшь — я тебя сам туда притащу. И мы будем высматривать её среди всех этих конькобежцев.

Кеил слабо улыбнулся, впервые за долгое время чувствуя, что, может быть, всё не так уж и плохо.

Поздравление

Зал гудел, будто улей, в котором сегодня решили устроить праздник: сотни первокурсников, сбившись в неровные ряды, перешёптывались, поправляли ленты, разглядывали старших и то и дело взрывались смехом. Над этой весёлой суетой возвышались преподаватели — в строгой школьной форме, но с такими живыми лицами, что форма казалась не ограничением, а частью общего ритуала. Среди них мелькали седые виски докторов наук, чьи серьёзные лица тут же смягчались, стоило кому-то из ребят неловко задеть стул или уронить папку.

А на сцене, у трибуны, стоял директор — тот самый, о ком в школе говорили: «Если он улыбается — значит, всё будет хорошо». Это был мужчина лет пятидесяти с небольшим, с чуть растрёпанными волосами, будто он только что вбежал сюда, успев по дороге раздать пять советов и три шутки. На нём была форма, но пиджак сидел чуть небрежно, а галстук — ровно настолько, чтобы казаться не строгим атрибутом, а деталью образа человека, который не боится быть собой.

Он стоял, опершись одной рукой о край трибуны, и оглядывал зал с праздной, тёплой улыбкой — такой, от которой даже самые зажатые первокурсники невольно начинали улыбаться в ответ. В его взгляде не было ни капли высокомерия, только искреннее любопытство: он будто хотел разглядеть каждого, запомнить, кто где стоит, кто прячет глаза, а кто смело смотрит вперёд.

Когда зал наконец стих, директор не начал с пафосных слов. Вместо этого он чуть наклонился к микрофону, прищурился, словно собирался поделиться секретом, и сказал:

— Знаете, когда я впервые стоял вот так, в этом зале, я думал, что сейчас мне скажут что-то такое, после чего я сразу стану взрослым. Что прозвучит какая-то особая фраза, и щёлкнет выключатель: раз — и я уже серьёзный, ответственный, всё понимаю. Но знаете, что мне сказали? «Не забудь сменку». И я её забыл. И весь первый день ходил в тех же ботинках, и чувствовал себя ужасно. А потом понял: взрослеть — это не про то, чтобы ничего не забывать. Это про то, чтобы не бояться забыть сменку. И не бояться ошибиться.

Зал на секунду замер — а потом взорвался смехом. Даже строгие доктора наук, стоявшие в первом ряду, не смогли сдержать улыбок.

Директор поднял руку, успокаивая смех, но глаза его всё ещё искрились весельем.

— Вы пришли сюда не для того, чтобы быть идеальными, — продолжил он уже чуть серьёзнее, но всё с той же тёплой интонацией. — Вы пришли, чтобы пробовать. Падать, вставать, снова пробовать. Здесь есть люди, которые помогут вам подняться. Которые подскажут, где лежит та самая сменка, если вы её снова забудете. Мы не ждём от вас готовых ответов. Мы ждём вопросов. Даже самых нелепых. Особенно самых нелепых — потому что именно с них начинаются самые большие открытия.

Он сделал паузу, обвёл взглядом зал, будто хотел убедиться, что каждый услышал эти слова, и вдруг подмигнул кому-то в третьем ряду — так непринуждённо, будто они с этим парнем уже сто лет знакомы.

— И ещё, — добавил он, чуть понизив голос, будто делился тайной. — Не бойтесь быть творческими. Даже если ваш творческий подход — это нарисовать кота на полях конспекта, а не написать диссертацию. Потому что творчество

— Это не только про искусство. Это про смелость смотреть на мир иначе. Про смелость сказать: «А что, если попробовать вот так?»

В этот момент кто-то из первокурсников не выдержал и хихикнул — и директор тут же повернулся на звук, улыбнулся ему и кивнул:

— Вот. Именно это я и имею в виду. Смейтесь. Шутите. Спрашивайте. Ошибайтесь. А мы будем рядом. И если вдруг станет страшно — просто посмотрите в зал. Вы не одни. Здесь все когда-то стояли на вашем месте. Даже те, кто сейчас выглядит так, будто знает всё на свете. Никто не знает всего. Но все готовы помочь.

Он отступил от трибуны, будто собираясь спуститься к ним, и раскинул руки, словно хотел обнять весь зал:

— Добро пожаловать в нашу школу. Пусть она станет для вас местом, где можно быть собой. И где быть собой — это самое правильное, что можно сделать.

И зал снова взорвался аплодисментами — уже не сдержанными, а громкими, искренними, полными надежды и предвкушения. Даже самые серьёзные преподаватели хлопали, улыбаясь, а доктора наук кивали, будто подтверждая: да, именно так всё и должно начинаться.

— Да здравствуют знания и наши новые возможности! — голос директора взлетел над залом, звонкий и тёплый, будто он не произносил речь, а запускал фейерверк. — Вдохновения, друзья! И веры в себя! Всегда будьте чуть смелее, чем это для вас возможно!

И стоило этим словам прозвучать, как тишина, которая ещё секунду назад казалась торжественной, рассыпалась на сотни звуков: хлопки, радостные выкрики, смех, скрип отодвигаемых стульев — и вот уже ряды смешались, превратившись в пёструю, живую толпу.

Пир начался будто сам собой. Столы, которые до этого скромно стояли по краям зала, вдруг оказались в центре внимания: на них, как по волшебству, появились пироги с румяными боками, тарелки с фруктами, выложенными яркими веерами, кувшины с морсом, от которых поднимался лёгкий пар. Кто-то из старшеклассников ловко расставлял стаканы, кто-то уже тянулся к пирогу, но тут же отдёргивал руку, смеясь: «Нет-нет, сначала конкурсы!»

А конкурсы не заставили себя ждать. Артур, который весь день ходил с блокнотом и ручкой, будто готовился к чему-то важному, вдруг вскочил на небольшую ступеньку у сцены и замахал руками:

— Внимание-внимание! Первый конкурс — «Самый неожиданный факт о себе»! Выходит любой, говорит одну вещь, которую никто не знает, и получает… — он хитро прищурился, — конфету! А если факт настолько удивительный, что зал ахнет — то две!

Зал тут же взорвался предложениями. Кто-то кричал: «Я умею свистеть ушами!», кто-то смеялся: «Я боюсь кактусов!», а одна девочка, покраснев до кончиков ушей, призналась: «Я каждый день перед школой читаю одну строчку из энциклопедии — просто чтобы знать хоть что-то!» И зал не просто ахнул — он зааплодировал, потому что в этом было столько искренности, что даже самые серьёзные преподаватели заулыбались.

Марк, не теряя времени, подхватил эстафету и объявил следующий конкурс — творческий.

— Сейчас мы делимся на команды, — кричал он, перекрывая гул, — и за пять минут должны придумать мини-спектакль на тему «Как я встретил свою первую пятёрку». Реквизит — что найдёте вокруг! Стулья, ленты, даже эти пироги — если очень надо!

И тут началось настоящее безумие. Команды собирались мгновенно, будто все только и ждали этого сигнала. Кеил, который до этого стоял чуть в стороне, наблюдая за суетой, вдруг оказался в центре одной из групп — и не по своей воле: Лира, пробегая мимо, схватила его за рукав и потянула к себе.

— Ты будешь главным героем! — крикнула она, смеясь. — Ты выглядишь так, будто твоя первая пятёрка была самым большим потрясением в жизни!

Кеил хотел было возразить, но поймал её взгляд — озорной, сияющий — и вместо слов только кивнул, чувствуя, как внутри разливается странное, лёгкое тепло.

— Ладно, — пробормотал он, пытаясь казаться серьёзным, хотя улыбка уже пробивалась сквозь эту серьёзность. — Но только если ты будешь режиссёром.

Лира тут же приняла позу, будто стояла на сцене, и театрально взмахнула рукой:

— Отлично! Значит, так: ты входишь, видишь оценку, замираешь, потом падаешь на колени и кричишь: «О, знание, ты победило!»

Кеил закатил глаза, но в них уже плясали смешинки.

— Я не буду падать на колени.

— Тогда просто очень сильно подпрыгни. Это даже лучше!

Вокруг них уже собирались остальные, придумывали костюмы из лент и шарфов, спорили, кто будет учителем, а кто — самой пятёркой (эту роль, после долгих дебатов, отдали пирогу с вишней).

Директор, наблюдая за этим хаосом с лёгкой улыбкой, подошёл к краю сцены и тихо сказал одному из докторов наук:

— Вот оно. То самое, ради чего всё это. Не оценки, не отчёты, не графики. А вот это — когда они смеются, спорят, придумывают. Когда смелость — это не подвиг, а просто шаг вперёд, даже если дрожат колени.

Доктор наук кивнул, глядя, как первокурсники, ещё час назад стоявшие ровными рядами, теперь бегают по залу, размахивают лентами и хохочут так, будто это самый счастливый день в их жизни.

— Да, — тихо согласился он. — И пусть эта смелость остаётся с ними подольше.

А в центре зала уже начинался первый мини-спектакль: Кеил стоял с важным видом, Лира держала «пятёрку»-пирог, а остальные хором кричали: «Начали!» — и зал снова взорвался смехом, аплодисментами и криками поддержки.

После конкурсов и пира, после тех самых «несложных» занятий с кураторами, которые на деле оказались полным хаосом из вопросов, споров и внезапных открытий, все наконец высыпали во двор школы.

Двор будто ждал этого момента. Ещё днём он был просто двором — с фонарями, скамейками и дорожками, присыпанными первым хрустящим снегом. А теперь он стал сценой. Огни сияли так ярко, что казалось, будто они не просто освещают пространство, а разгоняют сам холод. Гирлянды вились по краям катка, обвивали столбы, спускались вниз сверкающими волнами. Воздух звенел от холода, но никто его не замечал — все были слишком заняты тем, чтобы поскорее натянуть коньки, завязать шнурки, поправить шарфы и ворваться на лёд.

Открытие катка получилось шумным, весёлым и немного неуклюжим — как и положено настоящему празднику. Кто-то сразу выписал уверенную дугу, кто-то, сделав два шага, хватался за бортик и смеялся над собственной смелостью. Старшеклассники помогали первокурсникам, преподаватели, сбросив привычную строгость, осторожно скользили рядом, а где-то в углу Артур пытался одновременно держать равновесие и объяснять, почему именно сегодня лёд особенно «капризный».

А потом в небо взмыл первый фейерверк. Он разорвался над катком россыпью золотых искр, и на секунду весь двор замер — только эти искры падали, отражаясь в глазах, в ледяном зеркале, в каждом стёклышке гирлянды. И сразу вслед за этим воздух взорвался криками: «Смотрите!», «Ещё!», «Как красиво!»

Девочки, кружившиеся неподалёку, вдруг замерли, подняв головы, и в этом общем сиянии снова заметили знакомую компанию — Кеила, Марка, Артура. Те стояли у бортика, смеялись над чем-то своим, и Кеил как раз пытался завязать шнурок на коньках, который упрямо не хотел слушаться.

Лира тоже замерла. Всего на мгновение — ровно столько, сколько длился первый залп фейерверка. Она стояла, запрокинув голову, и свет от огней ложился на её лицо тёплыми бликами. А потом она вдруг улыбнулась — не громко, не на весь двор, а так, будто это была её маленькая тайна. И, не оглядываясь, сделала первый уверенный толчок.

Коньки заскользили по льду, и она закружилась — сначала медленно, пробуя лёд, привыкая к движению, а потом всё быстрее, будто хотела догнать эти падающие искры. Девочки подхватили её ритм, и вот уже они кружились вместе, смеясь, раскинув руки, ловя этот свет, этот вечер, эту свободу.

Кеил наконец справился со шнурком, поднял голову — и увидел её. Лира кружилась где-то посередине катка, волосы чуть разлетались от движения, шарф летел следом, а глаза сияли ярче любого фейерверка. Он на секунду застыл, забыв про коньки, про лёд, про всё на свете, и только потом, будто очнувшись, неловко оттолкнулся и поехал вперёд — не спеша, но решительно, чтобы просто оказаться рядом.

Марк, заметив это, только хмыкнул и толкнул Артура локтем:

— Ну вот. Теперь он точно не будет стоять у бортика.

Артур прищурился, глядя, как Кеил, слегка наклонившись вперёд, старается не потерять равновесие, и расхохотался:

— Главное, чтобы он до неё доехал, а не врезался в кого-нибудь по дороге.

Но Кеил доехал. Не идеально, не гладко — пару раз чуть не задел кого-то плечом, один раз неловко подпрыгнул, чтобы не столкнуться с первокурсником, который мчался, закрыв глаза от восторга. Но доехал. И когда оказался рядом с Лирой, не стал ничего говорить про ветер, про лёд или про фейерверки. Просто улыбнулся и спросил:

— Научишь меня так кружиться? Я пока только падать умею.

Лира на секунду притормозила, посмотрела на него — и в её взгляде мелькнуло что-то тёплое, понимающее, будто она знала, как ему сейчас немного страшно и как сильно он хочет просто быть здесь, с ней, на этом сверкающем льду.

— Конечно, — сказала она, чуть наклонив голову. — Но сначала держись за мою руку. А потом уже будем кружиться.

И он взялся за её руку — крепко, но осторожно, будто боялся, что она исчезнет, если сжать чуть сильнее. И они поехали рядом: сначала медленно, привыкая друг к другу, к ритму, к этому льду, который теперь казался не таким уж и скользким. А потом Лира чуть повернула голову, улыбнулась и сказала:

— А теперь… давай попробуем кружиться вместе.

И они закружились. Не идеально, не синхронно — Кеил пару раз чуть не потянул её за собой, Лира смеялась и поправляла его, показывая, как переносить вес, как держать спину, как не бояться скорости. И в какой-то момент он вдруг понял, что больше не боится упасть. Потому что рядом была она, и лёд уже не казался врагом — он стал дорогой, по которой можно скользить, ошибаться, смеяться и снова пробовать.

Вокруг них кружились другие: девочки выписывали восьмёрки, первокурсники держались за бортики и всё равно пытались делать «ласточку», старшеклассники устраивали мини-гонки, а преподаватели, собравшись небольшой группой, тихо смеялись, глядя на эту суету, и время от времени подбадривали: «Аккуратнее!», «Держи равновесие!», «Вот так, молодец!»

Фейерверки продолжали взмывать в небо — один за другим, раскрашивая морозный воздух золотыми, синими, алыми вспышками. И каждый раз, когда над катком раздавался лёгкий хлопок и в небе расцветал новый узор, все на секунду замирали, поднимали головы, а потом снова кружились, смеялись, скользили — будто хотели поймать эти искры и сохранить их в памяти навсегда.

Директор, стоявший чуть в стороне, рядом с одним из докторов наук, смотрел на это и улыбался. В его глазах отражались те же огни — и в этой улыбке было столько тепла, что казалось, будто именно ради этого вечера всё и затевалось.

— Видишь? — тихо сказал он, не отводя взгляда от катка. — Они учатся не только формулам и правилам. Они учатся быть смелыми. Учиться падать и вставать. Учиться держаться за чью-то руку, когда страшно. И учиться кружиться, даже если не знаешь, как это делается правильно.

Доктор наук кивнул, чуть прищурившись, будто пытался разглядеть в этом вихре движений что-то очень важное.

— Да, — тихо согласился он. — И, знаешь, иногда это самое главное.

А на льду Лира и Кеил всё кружились — уже увереннее, уже свободнее, уже почти синхронно. И когда очередной фейерверк рассыпался над ними золотым дождём, они на секунду замерли, подняли головы, чтобы посмотреть на это чудо, а потом снова взялись за руки и поехали дальше — туда, где лёд блестел, огни сияли, а впереди было столько всего, что даже страшно становилось от предвкушения.

Марк и Артур, разогнавшись у бортика, сорвались с места почти одновременно — будто кто-то невидимый дал старт, щёлкнув пальцами.

— Только без фолов! — крикнул Марк, уже наклоняясь вперёд, чтобы рассекать лёд быстрее.

— Фолы — это когда ты падаешь и тащишь меня за собой! — хохотал Артур, ловко огибая первокурсника, который застыл посреди катка, заворожённо глядя на фейерверки.

Они неслись вдогонку за Мирой и Эдин — те летели по дуге, будто родились на льду: юбки чуть взметались от скорости, волосы разлетались, а смех звенел, как колокольчики. Мира оглядывалась через плечо, щурилась от света гирлянд и кричала:

— Не догоните! Мы чемпионы по зигзагам!

Эдин, не сбавляя хода, показывала им язык — и тут же, не глядя, сделала изящный поворот, будто это было проще, чем шагнуть по ровной дорожке.

Марк, стиснув зубы от азарта, чуть поднажал — и вдруг резко затормозил, едва не врезавшись в них:

— Ладно, ладно, вы выиграли! Но только потому, что вы жульничаете!

Мира тут же остановилась рядом, упёрла руки в бока и хитро прищурилась:

— Жульничать — это тоже навык. Запиши в свой список умений.

Артур догнал их секундой позже, чуть запыхавшись, но с такой широкой улыбкой, что сразу стало ясно: он вообще не расстроился из-за проигрыша. Он поправил шарф, наклонился к Эдин и театрально вздохнул:

— Знаешь, я всегда мечтал встретить девушку, которая обгоняет меня на коньках. Это так… вдохновляюще.

Эдин фыркнула, но в глазах у неё плясали смешинки:

— Вдохновляйся, но не стой на пути. В следующий раз я поеду ещё быстрее.

— А я буду болеть за тебя! — тут же отозвался Артур. — Громко. И, возможно, немного неуклюже. Но от всей души.

Мира, не выдержав, рассмеялась и схватила Марка за руку:

— Раз уж ты такой честный и признал поражение, давай хотя бы прокатимся вместе. Без гонок. Просто… вот так.

Марк на секунду замер, будто не верил, что ему предлагают что-то настолько простое и в то же время важное, а потом кивнул, чуть смущённо, но искренне:

— Давай. Только… я предупреждаю: я могу споткнуться. И тогда мы оба упадём.

— Тогда упадём вместе! — весело отозвалась Мира. — Зато будет о чём вспоминать.

И они поехали — вчетвером, держась за руки, выписывая неспешную дугу по самому гладкому участку льда. Артур и Эдин чуть впереди, Мира и Марк следом, и между ними будто протянулась невидимая нить, которая не давала никому отстать.

А потом случилось то, что случается только на катках, когда все немного расслабляются и перестают бояться льда: Артур, пытаясь сделать эффектный разворот, слишком сильно перенёс вес, нога поехала в сторону — и он начал медленно, почти картинно заваливаться назад.

— Ой… — коротко сказал он, и тут же рухнул на лёд, подняв лёгкое облачко снежной пыли.

Эдин не успела даже вскрикнуть — она просто плюхнулась рядом, потому что пыталась его удержать и в итоге потеряла равновесие сама. Они лежали на льду, смотрели вверх, на фейерверки, которые как раз расцветали в небе, и хохотали так, что, казалось, даже гирлянды на столбах подрагивали от этого смеха.

— Ну вот, — выдохнул Артур, всё ещё смеясь, — я же говорил, что буду неуклюжим. Но зато красиво! Смотри, прямо под фейерверком. Это почти как искусство.

Эдин, уткнувшись носом в шарф, чтобы не замёрзнуть, пока лежала на холодном льду, фыркнула:

— Искусство… Ладно, признаю. Это эффектно. Но в следующий раз давай без спецэффектов.

Мира и Марк, не выдержав, тоже рухнули рядом — не специально, просто смех оказался сильнее осторожности. Теперь они все вчетвером лежали на льду, глядя в тёмное небо, где рассыпались золотые, синие и алые искры, и хохотали до слёз.

— Мы выглядим как куча неудачников, — сквозь смех пробормотал Марк.

— Нет, — покачала головой Мира, — мы выглядим как люди, которым весело. А это круче, чем быть идеальными.

Артур приподнялся на локте, посмотрел на них всех по очереди и вдруг сказал, уже без шуток, но с той самой искренностью, которая бывает только после хорошего смеха:

— Знаете, я рад, что мы тут. Все вместе. Даже если я снова упаду. Даже если мы все будем падать. Главное, что падать будем рядом.

И никто не стал спорить. Потому что в этот момент все чувствовали то же самое.

Фейерверк над ними вспыхнул ещё раз — огромным золотым цветком, и его свет лёг на их смеющиеся лица, на лёд, на снежинки, кружившиеся в воздухе, и на эту маленькую, но такую важную историю, которая только начиналась.

Элара лежала на льду, раскинув руки, будто хотела обнять весь этот сверкающий мир. Её каре лежало ровно, но непослушная чёлка всё норовила упасть на глаза — и каждый раз, когда она падала, Элара смеялась и резким, почти детским движением отбрасывала её назад, будто это была самая весёлая игра на свете.

Артур стоял рядом, чуть наклонившись, и не мог отвести взгляда. Он улыбался, но в этой улыбке уже было что-то большее, чем просто веселье — будто он вдруг увидел мир в новых красках, и все эти краски собрались в ней.

— Ну что ты стоишь? — крикнула Элара, приподнявшись на локте и хитро прищурившись. — Падай рядом! Тут холодно, зато небо такое огромное!

Артур только помотал головой, будто пытался стряхнуть с себя это внезапное оцепенение.

— Я… я лучше постою. Вдруг ты меня толкнёшь.

— А вдруг и толкну! — рассмеялась она, и в этом смехе звенели и озорство, и радость, и какая-то удивительная свобода. Она приподнялась, схватила горсть снега, слепила маленький снежок — не идеально круглый, а нарочно неровный, с крошками льда, — и бросила его в Артура. Снежок ударился о его рукав и рассыпался, оставив на ткани крошечные блестящие капли.

— Эй! — притворно возмутился Артур, но глаза его сияли. — Это вызов?

— Это приглашение! — выкрикнула Элара и тут же снова рухнула на лёд, хохоча. — Давай, кидай! Только не сильно! Я тут без доспехов!

И он кинул. Совсем легонько — так, что снежок упал где-то рядом с её ногой и даже не рассыпался, а просто лёг, будто маленький белый камушек. Элара тут же схватила его, сделала вид, что собирается запустить обратно, но вместо этого вдруг приподнялась и шутливо толкнула Артура плечом — легко, по-дружески, но так, что он чуть пошатнулся и рассмеялся.

— Ты жульничаешь! — сказал он, качая головой. — Никаких толчков! Только снежки!

— А я не по правилам играю! — крикнула она, уже снова скользя по льду — не на коньках, а просто на ботинках, по инерции, выписывая ногами смешные зигзаги, будто училась ходить заново. — Я по своим!

Она двигалась по-детски: то приседала, то подпрыгивала, то снова падала на лёд, но не от усталости, а от восторга, будто сама поверхность катка была для неё не скользкой опасностью, а лучшим другом. И каждый раз, когда она поднимала голову, её взгляд на секунду встречался с взглядом Артура — и в этих встречах было столько света, что ему казалось, будто рядом с ней даже мороз становится теплее.

А потом пошёл снег. Не сразу, не резко — сначала просто несколько одиноких хлопьев закружились в воздухе, будто пробуя, стоит ли опускаться. А потом их стало больше, они падали всё гуще, ложились на волосы Элары, на её шарф, на ресницы, на лёд вокруг неё — и весь мир вдруг стал тише, будто кто-то убавил громкость у всех лишних звуков, оставив только смех, скрип льда и тихий шелест падающего снега.

Элара запрокинула голову, подставляя лицо снежинкам, и засмеялась — звонко, искренне, так, что этот смех, казалось, мог растопить любой лёд.

— Смотри! — крикнула она Артуру, будто он мог этого не заметить. — Снег! Настоящий! Как в сказке!

Он стоял и смотрел на неё — на эту чёлку, падающую на глаза, на это каре, на эти снежинки, оседающие на ресницах, на этот смех, который звучал громче любого фейерверка. И в

какой-то момент он вдруг понял, что именно в эту секунду, среди снега и смеха, среди этого детского озорства и настоящей радости, он и влюбился. Не в идеальную картинку, не в придуманный образ — а в эту живую, настоящую, смеющуюся Элару, которая кидала снежки, скользила по льду и смотрела на мир так, будто в нём нет ничего невозможного.

— Знаешь, — тихо сказал он, сам не зная, слышит ли она его сквозь этот снежный шёпот, — с тобой даже падать на лёд не страшно. Потому что ты потом просто встаёшь и смеёшься. И хочется смеяться вместе с тобой.

Элара услышала. Она замерла на полушаге, посмотрела на него — и в её взгляде на секунду мелькнуло что-то тёплое, понимающее, будто она тоже почувствовала этот момент, такой хрупкий и такой важный.

— Тогда падай! — снова крикнула она, но уже не так озорно, а будто приглашая его в свой мир. — Или я сама тебя столкну! Но потом мы вместе встанем. И будем смеяться. Обещаю!

И Артур упал. Не от толчка, а сам — просто сел на лёд рядом с ней, не заботясь о том, что будет холодно, что намокнет, что кто-то посмотрит и улыбнётся. Он сел, запрокинул голову и посмотрел на небо, где снежинки кружились в медленном танце.

— Ладно, — сказал он, улыбаясь. — Я сдаюсь. Ты победила. В этой игре, в этом снеге, в этом вечере… во всём.

Элара тут же плюхнулась рядом, плечом к плечу, и они сидели так — мокрые, холодные, счастливые — и смотрели, как снег падает на лёд, как огни гирлянд отражаются в каждой снежинке, как весь этот вечер становится частью их истории.

***

Тяжёлые дубовые двери в общий зал замка закрылись за ними с мягким, но внушительным стуком — и будто отрезали весь холод, весь ветер, весь шум заснеженного двора. Внутри было тихо, уютно и по-особенному тепло — так бывает только в старых замках, где камни годами хранят тепло очагов.

В центре зала, под сводчатым потолком, в огромном камине ревел огонь. Пламя то взмывало вверх, озаряя резные балки, то опускалось, чтобы снова вспыхнуть с новой силой, отбрасывая на стены танцующие золотые тени. Искры срывались с поленьев и исчезали где-то под потолком, будто маленькие светлячки.

Сегодня в зале собрались все — не только старшекурсники, которые обычно занимали самые удобные кресла у огня, но и первокурсники, и ребята со средних курсов. Кто-то устроился прямо на пушистых коврах, поджав ноги и закутавшись в пледы, кто-то занял глубокие кресла с высокими спинками, а кто-то пристроился на широкой каминной полке, болтая ногами и протягивая ладони к теплу. Даже преподаватели — те самые доктора наук и строгие кураторы — сидели сегодня не на своих привычных местах у дальнего стола, а прямо здесь, у огня, в простых свитерах поверх форменных пиджаков, с кружками в руках и с таким видом, будто наконец-то позволили себе выдохнуть.

Директор, устроившись на низком табурете рядом с камином, тихо смеялся над какой-то шуткой Артура и время от времени подбрасывал в огонь ещё одно полено, чтобы пламя не утихало.

А по кругу ходили большие керамические кружки с какао — горячим, густым, с лёгкой пенкой и запахом ванили и корицы. Их передавали из рук в руки, и каждый, прежде чем сделать глоток, на секунду задерживал кружку в ладонях, будто хотел забрать себе как можно больше этого тепла.

— Главное — не пролить на плед, — серьёзно предупредила Мира, принимая кружку от Марка и тут же хитро улыбаясь. — Иначе Эдин меня съест. Она эти пледы сама вязала.

— Не съеду, — отозвалась Эдин, сидя на ковре и прижимая колени к груди. — Но буду смотреть с укором. Очень выразительно.

— Тогда я вообще не буду пить, — театрально вздохнул Марк, — чтобы никто ни на кого не смотрел.

— Пей! — рассмеялась Элара и легонько толкнула его в бок. — Иначе остынет. А остывший какао — это преступление против уюта.

Артур сидел рядом с Эларой, чуть наклонившись к огню, и время от времени поглядывал на неё — не так, чтобы она заметила, а исподволь, будто боялся спугнуть этот момент. Элара этого не видела: она болтала без умолку, рассказывала какую-то нелепую историю про то, как пыталась завязать шнурки на коньках и в итоге запуталась в собственном шарфе. Все смеялись, даже самые серьёзные старшекурсники, а она сияла, и её каре чуть растрепалось от всех этих движений, а чёлка снова и снова падала на глаза — и она каждый раз откидывала её нетерпеливым, лёгким жестом, будто это было частью её рассказа.

Кеил и Лира устроились чуть в стороне, на большом ковре, прижавшись плечами друг к другу. Лира тихо рассказывала Кеилу что-то, почти шёпотом, чтобы не перебивать общий смех, а он кивал, иногда улыбался, а иногда просто смотрел на огонь, будто пытался запомнить, как пляшут тени на её лице.

— Знаете, — вдруг сказал директор, когда смех немного стих и в зале повисла та самая уютная тишина, которая бывает только у хорошего огня, — я люблю такие вечера. Когда не нужно быть кем-то особенным. Когда можно просто сидеть, пить какао, смотреть на огонь и знать, что рядом свои.

Кто-то из старшекурсников тихо хмыкнул:

— А ещё можно не думать о завтрашней контрольной.

— Можно, — спокойно согласился директор. — Хотя бы сегодня. Сегодня у нас вечер без контрольных. Только огонь, какао и истории.

И истории пошли одна за другой — смешные, нелепые, трогательные. Кто-то рассказывал, как впервые вошёл в этот зал и так растерялся, что поздоровался с камином. Кто-то — как пытался выучить заклинание и вместо этого случайно поджёг конспект. Кто-то — просто про то, как здорово возвращаться в замок после долгой прогулки по заснеженному двору и чувствовать, как тепло медленно разливается по всему телу.

Элара, допив какао, поставила кружку на пол, потянулась, будто сбрасывая с себя весь холод улицы, и вдруг сказала:

— А давайте будем рассказывать не про приключения, а про что-нибудь совсем обычное. Про то, что греет больше всего.

На секунду в зале стало тихо — только трещал огонь да тихо шуршали пледы.

— Я расскажу, — тихо сказала Мира. — Про то, как мама каждое утро наливает мне какао в термос. И я знаю, что даже если день будет ужасным, я смогу остановиться где-нибудь, открыть термос, сделать глоток — и станет чуть теплее.

Марк, помолчав, добавил:

— А я люблю, когда кто-то говорит: «Ты справишься». Даже если я сам в это не верю. Просто услышать это — уже греет.

Артур посмотрел на Элару и вдруг тихо, но так, что услышали все, сказал:

— А я люблю вот такие вечера. Когда все вместе. Когда снег идёт за окнами, а здесь тепло. И когда кто-то смеётся так, что хочется смеяться вместе с ним, даже если ты не понял шутки.

Элара на секунду замерла, будто не ожидала таких слов, а потом улыбнулась — не громко, не на весь зал, а так, будто они были только для неё. И в этой улыбке было столько тепла, что, казалось, даже огонь в камине вспыхнул чуть ярче.

Огонь трещал, какао потихоньку остывало, но никому не хотелось вставать. За окнами по-прежнему шёл снег, укрывая замок белой тишиной, а внутри было шумно, тесно, весело и так по-домашнему, что каждый чувствовал: сегодня можно не быть сильным, не быть идеаль-

ным, не быть тем, кем тебя ждут завтра. Сегодня можно просто быть собой — рядом с теми, кто тоже просто хочет посидеть у огня и побыть вместе.

Директор вдруг поднялся, чуть отодвинул кресло, и в тишине зала этот скрип прозвучал почти как сигнал. Он наклонился к чему-то за спинкой — и выпрямился, держа в руках старую акустическую гитару. Дерево было потемневшим от времени, местами потёртым, но от этого инструмент казался только роднее, будто у него была своя долгая история.

— Эту гитару мне ещё в моём первом курсе подарил один преподаватель, — тихо сказал директор, будто сам себе, но все услышали. — Сказал: «Если станет слишком шумно в голове — сыграй что-нибудь простое. И шум уляжется». Я тогда не поверил. А теперь… теперь понимаю.

Он сел обратно, положил гитару на колено, провёл пальцами по струнам — те отозвались тёплым, чуть хрипловатым звуком, будто тоже соскучились. Взял первый аккорд — простой, домашний, такой, под который хочется подпевать даже тем, кто не знает слов. И запел — не громко, не напоказ, а так, будто рассказывал историю у костра.

И зал тут же подхватил. Не все знали слова, не все попадали в ноты, но это было неважно. Старшекурсники тянули мелодию уверенно, первокурсники ловили ритм, преподаватели тихо улыбались, а Элара, сидевшая рядом с Артуром, пела так звонко, что даже гитара на секунду будто прислушивалась к её голосу. Мира и Марк переглядывались и смеялись, когда сбивались с такта, но тут же снова вливались в общий хор — потому что главное было не в том, чтобы петь правильно, а в том, чтобы петь вместе.

Огонь в камине трещал в такт песне, тени плясали по стенам, а тёплый воздух, пропитанный запахом дерева, какао и зимней свежести, будто обволакивал каждого, не давая холоду пробраться даже в самые далёкие уголки зала.

Кеил сидел, прижавшись плечом к спинке кресла, и смотрел не на огонь и не на директора, а на Лиру. Она пела — тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько тепла, что он слышал его даже сквозь общий гул голосов. Её профиль мягко освещался отблесками пламени, волосы ловили золотой свет, а пальцы, лежавшие на краю пледа, чуть подрагивали в ритме песни.

В какой-то момент песня стала тише — будто все одновременно решили дать простор гитаре, и директор перешёл на спокойный перебор. В этой короткой, почти звенящей тишине Кеил вдруг почувствовал, как внутри всё сжалось от желания сделать что-то простое и в то же время невероятно важное.

Он медленно, будто боясь спугнуть этот миг, протянул руку — не сразу, а сначала просто чуть сдвинул ладонь, потом ещё, пока кончики его пальцев не оказались в сантиметре от её руки. Он замер, сам не зная, хватит ли у него смелости преодолеть этот крошечный, но такой огромный промежуток.

Лира вдруг замолчала на полуслове, будто почувствовала это напряжение в воздухе. Она не повернула головы, но её пальцы чуть дрогнули, будто сами тянулись навстречу. И тогда Кеил решился. Осторожно, едва касаясь, он накрыл её руку своей.

На секунду всё будто остановилось: песня, треск огня, даже дыхание в зале. Лира медленно повернула голову и посмотрела на него — не удивлённо, не строго, а с таким мягким, тёплым любопытством, будто ждала этого момента и боялась, что он не случится.

А потом она чуть улыбнулась — совсем чуть-чуть, одними уголками губ, — и её пальцы мягко сомкнулись вокруг его ладони.

Кеил покраснел — он и сам не ожидал, что смущение может быть таким горячим, почти обжигающим. Он хотел что-то сказать — хоть что-нибудь, хоть самое нелепое, лишь бы заполнить эту внезапную тишину, — но слова застряли где-то в горле. Вместо этого он просто сжал её руку чуть крепче, как будто хотел сказать этим жестом всё, что не мог выразить словами.

Лира наклонила голову, будто пытаясь прочитать в его глазах то, что он не смог произнести, и тихо, так, что слышал только он, прошептала:

— Знаешь, мне нравится, когда ты вот так… решаешься. Даже если потом краснеешь.

Кеил хмыкнул, пытаясь скрыть смущение, но улыбка всё равно прорвалась наружу.

— Я… я просто не хотел, чтобы ты думала, что мне не важно. Что всё это… — он неопределённо махнул рукой, имея в виду и огонь, и песню, и этот вечер, и их самих, — что всё это просто шум.

— Это не шум, — так же тихо ответила Лира. — Это… наш шум. И он хороший.

Директор доиграл последний аккорд, и зал на секунду замер — а потом взорвался аплодисментами, смехом и криками: «Ещё!», «Давай ту, про звёзды!», «Артур, ты же знаешь ту, где про кота!». Артур тут же вскочил, начал что-то громко предлагать, Элара хохотала, Мира пыталась его перекричать, а преподаватели улыбались, будто наблюдали за чем-то бесконечно дорогим.

Но в этом общем веселье Кеил и Лира остались в своём маленьком, тихом мире — там, где их соединённые руки говорили больше любых слов, а отблески огня рисовали на их лицах золотые узоры. И в этом свете даже смущение казалось не слабостью, а чем-то красивым — как первый робкий шаг в новую, ещё неизведанную, но такую желанную историю.